

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

ВЫСТРЕЛ

Неформатные книги

Андрей Бондаренко

Выстрел

«Автор»

2010

Бондаренко А.

Выстрел / А. Бондаренко — «Автор», 2010 — (Неформатные книги)

Вашему вниманию предлагается авантюрный роман – с элементами мистики, фэнтези, детектива, любовного романа, мелодрамы, заумного философского трактата и... всего прочего, угодного уважаемому читателю... Или все же просто – фантастический детектив-боевик? Телефонный звонок: – Это я. Текст завершил, вычитал – в первом приближении – и отправил по электронке. Вам должно понравиться... – Должно? – Не обязательно. Но – понравится. Рассвет. Первые лучи робкого, белесо-желтого солнца. Ответный телефонный звонок: – Это я. Текст прочел... Поздравляю! Вот так оно все и было, если совсем коротко. А потом прогремел – выстрел...

© Бондаренко А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Андрей Бондаренко

Выстрел

*Непревзойдённому Эдгару Аллану По, с уважением и
сентиментальным восторгом...*

*«Когда показывают фантом, то не стоит это делать слишком
долго: он может лопнуть, разрушив всё очарование...».
(Александр Первый, русский Император).*

На улице моросит дождик. Холодный, нудный, противный и доставучий, каким и полагается быть дождю в первых числах октября месяца.

Дожди, они вечные и правдивые подсказчики, как, впрочем, и вещие сны. Я верю дождям и снам – как не верю самому себе...

В этом романе не будет глав, прологов, эпилогов и прочей, ничего не значащей ерунды. Только чистейший Поток сознания Автора (маленького такого – «автора», совсем бесполезного и никчемного...), несущийся с гор.... С каких ещё, собственно, гор? Да, с тех самых. С высоких таких, неприступных и загадочных, увенчанных белоснежными шапками вечных и мудрых снегов.

Для тех, кто понимает, конечно же...

Так же бесполезно угадывать и название города, где разворачиваются все описываемые ниже события и происшествия. И с датами я специально немного напутал. Вернее, очень даже и много...

Видите ли, уважаемые мои читатели, за этим повествованием (на первый взгляд невинным, скучным и несуразным), действительно стоят конкретные события, произошедшие – относительно недавно – в одном из крупных российских городов. А также конкретные, очень милые, славные и симпатичные люди. Вернее, уже – на сегодняшний день – обычные покойники. Молчаливые и, до безумия, незащитные...

Кто-то ведь должен – рассказать правду? Воздать должное? Расставить все точки над «и» и над некоторыми другими буквами русского алфавита? Покарать, в конце-то концов, того, кого, безусловно, следует покарать?

И если это невозможно сделать по формальным человеческим законам, то пусть уж будет по неформальным, то бишь, по Божьим...

Поздняя ночь. В смысле, матёрая и закоростелая в своей первобытной дикости ночь, наполненная – до самого края – незваной и предательской бессонницей. То ли неверный сон, то ли крепкая дрёма.... То ли болезненный бред, то ли самая натуральная и настоящая явь...

Телефонный звонок:

– Это я. Текст завершил, вычитал – в первом приближении – и отправил по электронке.

Вам должно понравиться...

– Должно?

– Не обязательно. Но – понравится.

Рассвет. Первые лучи робкого, белёсо-жёлтого солнца.

Ответный телефонный звонок:

– Это я. Текст прочёл.... Поздравляю!

Вот так оно всё и было, если совсем коротко.

А потом прогремел – выстрел...

Выстрел, и громкий стук – от гвоздей, заколачиваемых в дубовый гроб с помощью молотков пьяных и грубых могильщиков...

Железных гвоздей? Бронзовых? Медных? Коротких? Длинных? Толстых? Тонких?

А оно – вам – надо?

То-то же!

Тогда заткнулись, вытерли слюни – об слюнявчики в бело-синий горошек.... Уже вытерли? Какие вы у меня молодцы! Ну, так и быть, слушайте....

Эта История.... Ну, да, История – с большой буквы – началась очень давно. Лет так сто пятьдесят тому назад. А, может, и все семь с половиной тысяч...

Какая разница? Ну, лично вам – какая?

Ясен пень, что никакой....

Короче говоря, все легкомысленные, гламурные и приторно-сладкие удовольствия отменяются! Раз и навсегда...

Почему? По неаппетитному капустному кочану, объединенному жирными и бесстыжими гусеницами!

Не будет ни розовых слюней – о неразделённой и несчастной любви. Ни пафосных рассказов – о невиданной и бескорыстной доблести...

Только боль, слёзы, стоны, кровь, страдания и остро-пахнувший человеческий кал...

Пардон, погорячился немного. Кала, как раз, и не будет.... А, если и будет, то так, невзначай, без всяких неприятных ощущений.

В смысле, мироощущений....

Да, и вообще, я пошутил. Потому как в нашей великой и могучей стране царит полная свобода – вкупе с самой натуральной демократией. Хочу шутить – шучу, находясь в своём законном праве, закреплённом в Конституции...

О любви, конечно же, будет речь.

Собственно, только о ней и будет....

Только – о разделённой. Зачем нам с вами – взрослым и всё понимающим людям – сдавалась неразделённая любовь? Её и в повседневной жизни хватает – с избытком немалым....

Разделённой – во всём многообразии этого философского понятия.

Для тех, кто понимает, конечно же.

И розовых слюней будет – ровно столько – сколько захотите...

Её звали – Анхелина Томпсон....

Впрочем, начнём по порядку. Ведь так, если я не ошибаюсь, принято в этом несовершенном мире?

Так и принято. И окружающий нас с вами мир – несовершенен...

Вначале был сон. Яркий такой, цветной, запоминающийся.

Впрочем, я почему-то уверен, что и финал этого необычного спектакля будет сыгран там же, на Заброшенных Крышах, между разномастных печных труб, обдуваемых всеми ветрами...

Боли не было. Наоборот, присутствовала некая лёгкость и расслабленность во всём организме. Свежий ветерок, воздух – как после короткого июльского дождя в русской деревне.

Пахло чем-то свежим и влажным, совсем чуть-чуть угадывался аромат полевого разнотравья.

– Ну те-с, сударь мой, – совсем рядом раздался негромкий, очень певучий голос. – Как говорит в своих нетленках великий и ужасный Саня Бушков: – «Открывайте глаза, голуба моя, ресницы-то – дрожат!».

Ник послушался и приоткрыл правый глаз, а через секунду и левый, ошалело таращась на говорящего. И было, право, чему удивляться: в двух шагах от него, на старом деревянном ящике, восседал здоровенный, серый в полосочку, котяра.

– Здравствуйте, милый юноша! – пропел-промурлыкал странный кот. – Разрешите представиться. Меня зовут – Кот.

– А меня – Ник, – автоматически ответил Ник, затравленно озираясь по сторонам. – Николай, Николаша, Коля...

– Да вы встаньте на ноги, любезный мой, освободитесь от рюкзака с парашютом, – подал Кот дельный совет. – Оглянитесь хорошенько, удовлетворите своё безмерное и праведное любопытство.

Ник поднялся на ноги, опираясь ладонью руки на какую-то узкую кирпичную стенку, и сбросил с плеч тяжёлый рюкзак.

«Так и есть, парашют, всё же, не раскрылся... А я жив почему-то!» – пронеслось в голове.

Он внимательно оглянулся по сторонам, вокруг были только крыши: металлические и черепичные, гладкие и ребристые, явно новые и совсем ветхие – самых разнообразных цветов, оттенков и колеров. Сплошные такие крыши, тесно примыкающие друг к другу, без начала и конца... А узкая кирпичная стенка оказалось гранью обычной дымоходной трубы, одной из многих тысяч таких же, беспорядочно торчащих тут и там.

Молодой человек посмотрел на небо. Увиденное оптимизма не добавило: на западе горел малиново-оранжевый закат, и половинка солнца уже скрылась за линией горизонта, а на востоке теплился нежный розово-алый рассвет, и другая солнечная половинка – явно, только что – показалась на свет Божий. Разномастные облака, дружно выстроившись по неровным кривым овалам, медленно плыли в противоположных направлениях. Причём, похоже, вокруг того самого места, где они с Котом и находились.

Ник недоверчиво потрогал руками лицо, плечи, колени, на всякий случай ущипнул себя за ляжку. Да нет, всё было нормально, и боль очень даже ощущалась. Короче говоря, вокруг была только реальная действительность, данная нам в объективных и субъективных ощущениях. Как любил выражаться Фридрих Энгельс – известный интеллектуал и оригинал.

«Но, всё же, чёрт побери, что это такое приключилось со мной? И где же это, собственно говоря, я нахожусь в данный момент?», – подумал Ник и резко обернулся к неожиданному напарнику.

Кот, как выяснилось, всё понимал правильно и заговорил, не дожидаясь глупых и бестолковых вопросов:

– Это место так и называется – Заброшенные Крыши. По своей глубинной сути – обычная перевалочная станция: дальше можно проследовать в любых, порой самых невероятных направлениях. Даже, – Кот сделал многозначительную десятисекундную паузу, – даже и Назад...

– Следовательно, я – умер?

– Да ладно вам, сударь! – Кот недовольно и чуть презрительно улыбнулся в роскошные усы. – Полноте, милый друг. Что есть, с философской точки зрения, все эти глупые сентенции? Живой – мёртвый? Счастливый – несчастный? Весёлый – печальный? Настоящий – придуманный? Что, я вас спрашиваю?! Так, только глупые термины, наполненные бессовестной и наглой ложью... Всё относительно в этом брэнном и неверном мире. Относительно – ко Вре-

мени, прежде всего. Сегодня вы глупы, туповаты и ограничены: конкретную дурацкую аксиому принимаете за непреложную истину в последней инстанции. А завтра поумнели немного и – неожиданно для самого себя – поняли, что истин может быть несколько, или вовсе ни одной, к примеру...

– Отдаю должное вашему недюжинному и могучему интеллекту, уважаемый Кот, – произнёс Ник, в глубине души несказанно удивляясь собственному спокойствию. – Но изложенное вами мне мало что объясняет. По всем классическим законам школьной физики я должен был расшибиться в лепёшку: падение с двух с половиной тысяч метров, да с нераскрывшимся парашютом – дело очень серьёзное, знаете ли... А я тут стою себе на крыше, с котами разговариваю. Может, это просто такой элементарный предсмертный бред? А?

Кот недоверчиво помотал ушастой головой, задумчиво прищурился и прошелестел едва слышно:

– А вы, милостивый государь, поведайте мне о ваших последних десяти-двенадцати минутах. О тех, которые имели место быть до вашего появления на Заброшенных Крышах. И, главное, о последних мгновениях... Тогда, быть может, я и смогу сказать вам что-нибудь дельное. Может, даже, спрогнозировать чего на Будущее....

Мокрая, тщательно подстриженная трава аэродрома, принадлежащего частному Авиаclubу. Самолёт неуклюже оторвался от взлётной полосы и неровными толчками начал набирать высоту. В этот момент у Ника громко зазвонил мобильник.

Инструктор Петрович скорчил недовольную и грозную мину, но, всё же, разрешающе махнул рукой. Мол, давай, поговори, бродяга, я сегодня необычайно добрый...

– Да? – спросил Ник, нажимая на нужную кнопку.

– Здесь Заур! – оповестила трубка с лёгким кавказским акцентом. – Твоя обожаемая жёнушка у нас... Вах, какая красивая девочка, просто – спелый персик! Три дня у тебя на всё. Хочешь получить свою женщину обратно? Рассчитайся полностью с долгом, будь мужчиной! Ещё сороковник баксов числится за тобой... Всё ясно?

– Всё, – прошептал Ник.

Короткие гудки, отбой....

«Похоже, действительно, всё», – решил он про себя. – «Где взять сорок тысяч долларов? Негде, сожрал всё проклятый дефолт. Слопал и не подавился...».

Ещё месяц назад Ник был богатым и вполне успешным человеком. Типичным, то бишь, среднестатистическим представителем хвалёного среднего класса... А нынче? Нынче он – полный и безысходный банкрот, даже пришлось отписать в пользу неуступчивых кредиторов и пригородный коттедж, и две почти новые машины-иномарки, а долгов ещё оставалось – выше крыши местного небоскрёба, проценты по ним набегали ежедневно, без перерывов и выходных...

Денег не было совсем. Как вчерашнего правящего класса – после свершения сегодняшней успешной революции... Вот, хотел Ник обратно сдать годовой абонемент на прыжки с парашютом, чтобы получить на руки хоть немного наличности, да не согласились с этим в Авиаclubе. Мол, денег у самих нет, а прыгать хочешь – так это другое дело. Пожалуйста, просим! Пока керосин в самолётных баках не закончился... Вот он и решил прыгнуть, раз всё равно уже приехал.

Любил Ник это дело, в смысле, прыжки с парашютом. Бездонное голубое небо над головой, домики крошечные проплывают внизу, свежий ветерок, воздух – как после июльского дождя в деревне: пахнет чем-то свежим и влажным, совсем чуть-чуть угадывается аромат полевого разнотравья...

– Всем приготовиться! – строго велел Петрович. – Начинаю обратный отсчёт: тридцать, двадцать девять, двадцать восемь, ..., два, один, ноль! Первый – пошёл!

Голубой купол неба, восхитительное чувство свободного падения...

Тут, в считанные секунды, Ник и понял, что надо делать. Года полтора назад, когда денег было навалом, он застраховал свою жизнь в солидной зарубежной компании, причём, со страховой премией родственникам – в случае чего – более чем солидной.... Хватит, чтобы полностью рассчитаться с Зауром, и Машеньке ещё останется на безбедную и сытую жизнь. Нормально всё должно сойти. Какое такое самоубийство? Обычный и банальный несчастный случай, просто парашют не раскрылся. Дело насквозь житейское.

Рука разжалась, отпуская заветное кольцо...

– Вот и всё, – промолвил Ник. – Кольцо отпустил, и, такое впечатление, что сразу же оказался на этой крыше.

– На Крышах! – педантично поправил Кот. – И, пожалуйста, с большой буквы! А история ваша – совершенно обычна для наших мест: банальное самоубийство, но преследующее цели, безусловно, благородные. Знакомое, в общем-то, дело. Да уж, представьте! – Кот замолчал, словно бы вспоминая что-то по-настоящему важное.

Подождав секунд тридцать-сорок, Ник громко покашлял, привлекая к себе внимание:

– Извините, любезный Кот, но, всё же, объясните более внятно. Если вас, конечно, не затруднит...

– Всё дело в том, что кто-то из Главных Верхних, причём не обязательно, что и Сам, а просто кто-то из Них, засомневался в правильности вашего благородного поступка. Почему, спрашиваете, засомневался? Да кто же их, Умников, знает? Наверно, были важные и весьма значимые причины. Вот Они и решили сделать некую паузу в течение вашей Судьбы, заморозить ситуацию, так сказать...

– Но для чего заморозить, зачем?

– Бог его знает, – подчёркнуто лениво зевнул Кот. – Они же считают себя добрыми, могучими, справедливыми.... От того постоянно и сомневаются: так ли всё происходит в этом многогрешном Мире, не надо ли, случаем, переделать чего? Может, фортель с нераскрывшимся парашютом был насквозь глупым и напрасным? Вы, Николай, уверены, что ваша драгоценная супруга, действительно, несчастная пленница? Может, она претворялась? А на самом деле является сообщницей коварного и подлого Заура? Только не надо, ради Бога, смотреть на меня так гневно и рассержено! Если я неправ, то извините покорно! Котам простительно.... Скажу вам, шевадье, по большому секрету: очень часто жертвы, рождённые избыточным благородством, являются глупыми и неоправданными. И примеров тому – не счесть! Обмануть честного человека – легче лёгкого.... Безоглядное благородство, как говаривал один мой знакомый колумбийский философ, есть верх глупости человеческой. По крайней мере, так всегда бывает на практике.... Итак, теперь Они думать будут, а вы, мон шер, парьтесь на Крышах – хоть до заговенья морковкиного. Я вот, к примеру, лет триста пятьдесят, а то и все четыреста здесь прохлаждаюсь, с одним единственным перерывом, а Они всё думают, все обсуждают: – «Что делать с этим наглым животным?». А, может, и забыли совсем про меня? И правильно, я же просто – кот, а тут и всяких разных хватает, заслуженных и важных до тошноты. Наполеоны в ассортименте, Байроны, Есенины, блин! – Кот разошёлся уже не на шутку.

Помолчали. Ник задумчиво чесал в затылке, пытаясь переварить полученную информацию. Кот же рассержено и презрительно фыркал, разбрасывая вокруг себя яркие изумрудно-зелёные искры, злясь на неких Всесильных, ленивых и хронически забывчивых – по его частному мнению...

– Может, и свою историю расскажете? – вежливо попросил Ник. – Ну, если это удобно, конечно.

Кот, если так можно выразиться, легкомысленно передёрнул «плечами»:

– Да полноте! Какие ещё сантименты между своими? Здесь, если честно, больше и заняться-то толком нечем. Слоняешься, слушаешь, в свою очередь рассказываешь всякое, делишься впечатлениями, даёшь советы, утешаешь, сплетничаешь. Библиотеку, правда, лет так сто двадцать тому назад удалось «пробить» на заброшенном чердаке. Сходим как-нибудь, обязательно. А история моя проста и незамысловата...

Много лет тому назад (вы, люди, это время называете Средними Веками), проживал я в одном симпатичном замке – в качестве любимого котёнка графской дочери. Её звали – Мари. Славная такая девчушка: добрая, ласковая, улыбчивая, кудряшки светлые. Она меня любила, ну, и я, соответственно, души в ней не чаял. Хорошо жили, беззаботно так, радостно...

Потом началась жестокая война, враги окружили замок, образовалась полная блокада, наступил голод. Нам-то, котам, много ли надо? Тут мышку поймал, там, извините за неаппетитные подробности, десяток-другой мух слопал. А людям приходилось совсем плохо, умирали они – один за другим – десятками, сотнями. Тогда-то мне и пришлось спрятаться в глубокий подвал замка: от греха подальше, чтобы не съели в запарке...

Сию это я у себя тихонечко, никого не трогаю, умываюсь. Тут графская жена, шатаясь от слабости, спускается по ступеням каменной лестницы. Матушка моей Мари, то есть.

– Маркиз! Маркиз! (это моё тогдашнее имя), – зовёт ласково.

А в руке, заведённой за спину, стилет держит острый.

«Вот оно даже как!», – думаю, продолжая умываться. – «Нашли дурака! Как же, выйду... Фигу с конопляным маслом вам всем! Неблагодарные и двуличные твари!».

Заплакала тогда графиня.

– Что же теперь делать? – жалобно так причитает. – Умрёт ведь доченька моя от голода, совсем плоха стала, слабенькая, шатается на ветру. Только одна надежда и оставалась – котёнка отыскать... Маркиз, Маркиз! Иди ко мне! Ради любви к Мари! Маркиз!

Кот замолчал, смахивая лапой с морды нежданную крохотную слезинку.

– Ну, а дальше? – заинтересованно спросил Ник.

– Что «ну»? – неожиданно обиделся Кот. – Баранки гну! Вышел, конечно же, пень ясный!

– Стало быть, – предположил Ник. – Вас сожрать изволили?

Кот неопределённо пошевелил усами:

– А вот это – спорный вопрос... Весьма – спорный! Я ведь сразу сюда, на эти Крыши долбанные, и вышел. Как бы так оно получилось...

– Чего-то я не понимаю совсем. Но ведь самоубийства, по сути, и не было. За что же вас тогда поместили сюда?

– Причём здесь – самоубийство? – Кот опять пожал «плечами», на сей раз недоумённо. – На Крыши попадают те, э-э-э, личности и индивидуумы, с которыми непонятно, что делать дальше. В смысле, куда этих индивидуумов и личностей отправлять: в Ад или в Рай? Усекаете? Вот я, к примеру, с одной стороны, обыкновенный кот. Следовательно, вовсе ничего не достоин. Ну, совершенно ничего и даже чуть меньше... А, с другой стороны, благородство проявил. Следовательно, и Душа – какая-никакая – но имеется у меня. Что теперь делать с этой Душой? А? Не подскажите? Вот и гадают местные Умники, спорят до хрипоты...

Ещё помолчали.

– А вот, – вспомнил Ник. – Вы говорили, что перерыв единственный – в процессе «крышной» жизни – был какой-то?

– Ах, это! – Кот небрежно, скорчив презрительную гримасу, отмахнулся правой передней лапой. – Фигня полная и глупая! Года через три после моего здесь появления, спускается с неба один халдей. Важный такой, с белоснежными крыльями за спиной. Поздоровался, значит, и втуляет мне, мол: – «Жертва твоя, дружок, совсем напрасная. Потому как Мари всё равно –

через год с крошечным хвостиком – умерла от бубонной чумы. Поэтому мы с товарищами тут посоветовались и решили, что тебя надо отправить Обратно. То бишь, в замок, находящийся в блокаде. Дабы ты сделал свой выбор заново, уже обладая полной и однозначной информацией...».

Кот опять задумался.

– Ну, и что же, вернули? – подождав полторы минуты, напомнил о своём существовании Ник.

– Не нукай, не запряг! – в очередной раз продемонстрировал непростой нрав Кот. – Конечно же, вернули. Они здесь – надо отдать должное – никогда не шутят. Вернули... А я опять к матушке Мари решил выйти, под стилет, то есть... Потому, что очень любил свою маленькую хозяйку! Подарить ей целый год жизни – совсем и не мало! Я даже задумываться не стал. Взял – и вышел. На эти же Крыши занюханые...

– Да, это вы – молоток! – Ник посмотрел на Кота с не наигранным восхищением. – Прямотаки сказка настоящая получается – про любовь и истинное благодество!

– Сказка? – негромко раздалось откуда-то сверху. – А что? И, правда, сказка. Тут одни такие сплошные сказки... Сказки Зброшенных Крыш...

Вам, дорогие мои читатели, никогда не снились аналогичные сны? Напрасно. Ох, напрасно... А вот мне – снятся регулярно и настойчиво. К чему бы это вдруг? Не подскажите? Только, ради Бога, не надо сейчас ничего говорить о психиатрах и прочих докторях. В том смысле, что ещё успеете – по мере прочтения данного опуса...

Кстати, о снах и о литературе... Кто-то из Великих невзначай обмолвился, мол: – «Писать – в литературном понимании – следует всего лишь о трёх вещах. О детских мечтах, о пьяных бреднях, и о запомнившихся снах...». Мол, всё остальное – полная и окончательная ерунда. Надо понимать, что тоже – буквы, но не имеющие к литературе ни малейшего отношения. Так, мемуары, учебники, научные фолианты, пропагандистские опусы, жёлтая заказная пресса...

Я же предпочитаю – сугубо сны. Сны, любезные мои господа и дамы, это нечто! Многое говорящее мыслящему и не обделённому фантазией человеку...

Ладно, двигаемся – с Божьей помощью – дальше.

Ночь. Тихая, тёплая, безветренная. Полнолуние.

По просёлочной дороге идёт мужчина. Ему слегка за тридцать, светлые растрёпанные волосы, одет в дорогой и модный спортивный костюм, на ногах – фирменные кроссовки, в руках – обычный полиэтиленовый пакет с эмблемой известного футбольного клуба.

Куда он идёт? По большому счёту – с философской точки зрения – навстречу с полной и загадочной Неизвестностью, предназначенной кем-то Свыше...

Ночь. Тихая, тёплая, безветренная. Полнолуние.

В смысле – ночь, улица, фонарь, аптека...

Жена неожиданно разбудила и попросила сходить в дежурную аптеку при ближайшем Торговом Центре, мол: – «Коля, голова болит – просто безумно! Только, милый, за руль, пожалуйста, не садись. Ты же выпивал сегодня...».

– Ха-ха-ха, безумно... Что она может знать про безумие? – обратился он к жёлтой и равнодушной Луне, круглой и всезнающей. – Хотя, наверное, кое-что знает. Я ведь ей сам рассказывал... Немного... Если про это можно рассказать что-либо понятное... То есть, понятное – для нормального человека... Уважаемая Луна, ничего, если я поговорю немного с вами?

Неуютно, знаете ли, как-то. Ночь, полнолуние, тишина. Ещё эти сны одолевают – о Зброшенных Крышах... К чему бы это? Вот я и говорю, что очень неуютно и тревожно на Душе. А когда общаешься с кем-то, то и комфортней становится. Так как, можно? Спасибо вам, прекрасная жёлтая дама...

Аптека – вместе с громкими людскими голосами и знакомыми ароматами – осталась далеко позади. Как, впрочем, и тусклый, скучно-печальный уличный фонарь. Весь человеческий мир остался где-то далеко позади. Причём, уже очень и очень давно. Наверное, с самого рождения...

Справа угрожающе вздыхала-стонала заброшенная стройка: четыре с половиной этажа монолитного бетона за некрашеным забором-штaketником, два-три ржавых, неуклюжих и беззащитных подъёмных крана-журавля, запах сырости и заброшенности, неяркие отблески одинокого костра.

«Это бомжи, наверно, разбили нехитрый ночной лагерь, ужинают», – предположил Ник. – «Они ведь тоже люди. Зачастую, вполне даже разумные, без видимых психических отклонений. Хотя, лично мне не доводилось общаться с ними...».

Слева загадочно молчало старинное кладбище, скупо отражая лунный свет от поверхности покосившихся могильных крестов, покрытых краской-серебрянкой. Кладбище, как кладбище, таких десятки тысяч разбросано по бескрайней России. Днём они милые и бесконечно уютные, в их тишине очень даже приятно предаваться философским размышлениям и светлым бескорыстным мечтаниям. Ночью же – тревожные и опасные, сулящие мутные душевные терзания и самые разнообразные неприятности...

Где-то глухо и угрожающе заухал ночной филин, нервный ветерок волнами пробежал по пыльному придорожному кустарнику.

– Филин кладбищенский, зря меня не пугай. Ждёт впереди солнечный Рай, – негромко, подбадривая сам себя, пропел Ник и через секунду-другую болезненно застонал: – Что же это? Почему? Снова начинается? Ведь уже больше шести лет приступы и припадки не посещали... До коттеджного посёлка осталось-то всего нечего, километра два с половиной... За что, Господи?

В голове тихонько постреливало. Мерзко так, глумливо, надоедливо и насмешливо. Приступ приближался неотвратимо и безысходно – как ежесуточный морской прилив, подчиняющийся воле могучей и безжалостной Луны.

Впереди – в тускло-жёлтом свете – виднелся алюминиевый навес стандартной автобусной остановки. Обхватив голову ладонями и слегка пошатываясь, он с трудом доковылял до навеса и неуклюже присел на обшарпанную скамью.

– Главное, не волнуйся, – посоветовал Ник самому себе. – Не в первый раз, братишка. Прорвёмся. Выдюжим. Может, на этот раз появится кто-нибудь симпатичный, добрый и безобидный...

В глубине души он, конечно же, знал, что чуда не произойдёт. Потому, что на этом свете чудес, вообще, не бывает. Не бывает? Безусловно, нет! За его тридцать с небольшим лет все Гости были исключительными уродами и извращенцами, мерзавцами и негодьями, падкими на кровь и убийства. Но как же хотелось надеяться, что именно сегодня пред ним предстанет благородный и отважный рыцарь, или же, к примеру, прекрасная сказочная принцесса. Добрая такая, славная, молоденькая, наивная, с огромными синими глазищами. Впрочем, он не стал бы возражать, если девичьи глаза будут тёмно-карими, ярко-зелёными, светло-серыми, чёрными...

Вскоре со стороны кладбища замелькал-затеппился одинокий огонёк, зазвучали голоса, причём, разговор вёлся на английском языке, вернее, на его американском диалекте.

– Стоило ли убивать старуху, сэр? – робко и заискивающе поинтересовался дребезжащий, явно простуженный фальцет. – Она же была слепая и глухая. Безобидная, в общем и целом.... У этих двух, которым вы изволили отрезать головы, рты были заклеены медицинским пластырем. Бабка, надо думать, и не заметила ничего...

– Фредди Крюгер никогда не оставляет следов! – пафосно и назидательно заявил звучный баритон. – Никогда и никаких! А безобидных свидетелей не бывает. Заруби, Мерфи, эту нехитрую истину на своём длинном и уродливом носу.... Ага, вон же она, девчонка! Держи её! Заходи слева!

Послышались характерные звуки, сопровождающие погоню, чьё-то злобное пыхтение.

– Зараза! – отчаянно взвыл фальцет. – Сэр, она укусила меня за палец!

– А-а-а! Помогите! Помогите! – взмолился детский тоненький голосок. – Дяденьки, не надо! А-а-а!

Вскоре все стихло, ещё через пару минут звучный баритон довольно объявил:

– Ещё одна голова! Растёт моя коллекция, растёт! – неожиданно насторожился: – Чу, что это? Слышишь, Мерфи? В садовой беседке кто-то есть, клянусь Святым Дунстаном! Подожди меня здесь.... Э, никаких перекуров, лентяй! Пройдись-ка вдоль дороги. Присмотрись к следам. Потом доложишь, что да как...

Зазвучали размеренные шаги, уверенно поднимающиеся по деревянным ступеням.

«Вот, у автобусной остановки уже образовалась лесенка. То бишь, автобусная остановка преобразовалась в садовую беседку», – обречённо подумал Ник. – «Значит, точно: припадок пожаловал. Давненько не встречались.... Ладно, будем выпутываться, не впервой...».

Высокий человек, облачённый в длинный брезентовый плащ, по которому медленно стекали крупные дождевые капли, водрузил на хрупкий столик антикварный масляный фонарь, разбрасывающий вокруг себя тускло-жёлтый свет. Тут же выяснилось, что на столешнице размещается пузатая бутылка тёмно-синего стекла и две низенькие серебряные чарки.

Мужчина солидно и многозначительно откашлялся, со стуком бросил на деревянный пол холщовый тяжёлый мешок, заполненный какими-то круглыми предметами, и небрежным движением откинул назад капюшон плаща.

«Длинные чёрные волосы, орлиный нос с чуть заметной горбинкой, пронзительные карие глаза с необычными зрачками, губы очень тонкие, злые и порочные. А в мешке, судя по всему, находятся отрезанные человеческие головы. Вон, из-под него уже бодро заструились кровавые ручейки», – отметил про себя Ник. – «Смотри-ка ты, а у них здесь дождик льёт – как из ведра.... Без разговора, очевидно, не обойтись. Придётся вспоминать подзабытые – без должной практики – навыки английской речи...».

– Ну, рассмотрел меня, полицейский пёс? – ласково поинтересовался обладатель злых и порочных губ. – Хорошо запомнил? Уже не забудешь? До самой смерти?

– Я вас таким себе и представлял, – холодно и внешне беззаботно ответил Ник. – И эти странные расширенные зрачки – с мигающей ярко-алой искоркой...

– Что? Ты хочешь сказать, что знаешь меня, морда белобрысая?

– Конечно. Вы же Фредди Крюгер, известный душегуб, законченный злодей и поганец, обожающий пить кровь маленьких детей и беззащитных женщин. Кстати, что вы, мистер Крюгер, думаете, относительно прогноза погоды на ближайшую неделю? На две-три-четыре? А выпить, часом, не хотите ли? Типа, с устатку? Вон, на столе бутылка и бокалы.... Только наливайте себе сами. Мне, видите ли, во время припадка не рекомендуется двигать руками. И, вообще, делать что-либо. Зато разрешается болтать, каламбурировать и шутить. Но только на самые отвлечённые и невинные темы.

– Да что, чёрт побери, происходит?! Кто мне объяснит? – грозно взревел Крюгер. – Ты, незнакомец, издеваешься надо мной? Как народец обнаглел в последнее время! Совсем поте-

рял всякий страх и стыд! Значит, не желаешь общаться по-хорошему? Ладно, наглец, поговорим по-плохому, с кровушкой...

Раздался резкий и громкий щелчок, из правого рукава плаща Фредди выдвинулись-высочили длинные и тонкие лезвия, щедро испачканные чем-то тёмным.

– Очень мило, – презрительно улыбнулся Ник. – Прямо как в низкопробном американском кино.... Кстати, как вы относитесь к творчеству легендарного Андрея Тарковского? На мой скромный взгляд, чересчур уж заумно и вычурно...

Всё дальнейшее было абсолютно прогнозируемым и обычным: Фредди буйствовал, грязно ругался, тряся от бешенства, плевался во все стороны от бессильной злости, устрашающе потрясая страшными лезвиями, а Ник беззаботно трепался и ехидно отшучивался. На этот раз он решил поделиться с неожиданным собеседником своим веским мнением относительно творчества поэта и философа Саша Чёрного, а также дал развёрнутые и ёмкие комментарии по основным аспектам проблемы глобального потепления...

Минут через восемь-десять Крюгер окончательно выдохся, полностью успокоился, спрятав, весело усмехнувшись, свои несимпатичные лезвия в правый рукав плаща, а другой рукой бестрепетно наполнил серебряные чарки – до самых краёв – терпким напитком из тёмно-синей бутылки.

– За невероятные успехи и неожиданные удачи – в нашей трудной повседневной деятельности! – провозгласил Ник дежурный тост. – Чтобы наши безумные будни текли легко и приятно!

Они выпили, обменялись понимающими взглядами и распрощались. Навсегда? Кто знает. Окружающий нас мир никогда не славился предсказуемостью и простотой.... Фредди, дружелюбно подмигнув, накинул на лохматую голову капюшон плаща, ловко подхватил с пола тяжёлый холщовый мешок и, прогремев каблуками сапог по деревянным ступеням лесенки, покинул беседку...

Припадок отступал – как и всегда – медленно, вязко и болезненно: руки и ноги предательски подрагивали, по лицу и спине лесными гадюками ползли капли холодного пота, слегка подташнивало, мучительно хотелось пить. Он поискал глазами темно-синюю бутылку и два фужера, но, естественно, не обнаружил ничего похожего. Только картонный пакет из-под гадкой яблочной бормотухи, по какому-то досадному недоразумению именуемой «портвейном», валялся под ногами. А вот подозрительных луж – рядом с навесом остановки – хватало. Более того, в сторону старого кладбища вели две широкие тёмно-бордовые дорожки, навевающие безрадостные и откровенно тревожные мысли.

Ник, опираясь на спинку скамьи, с трудом поднялся на ноги, вышел на просёлочную дорогу и, устало подмигнув Луне, прошептал:

– Что, небесная старушка, опять пронесло? Вот так-то вот оно. А ты сомневалась, дурочка желтолицая...

Со стороны кладбища вновь замелькал одинокий тусклый огонёк, зазвучали голоса, причём разговор, на этот раз, вёлся сугубо на русском языке, вернее, на его полуматерном аналоге.

– За каким ты, мать твою, старуху прирезал, урод грёбанный, так тебя растак? – недовольно поинтересовался звучный баритон. – Она же слепой была, глухой, совсем неопасной...

– Да так, за компанию, – ворчливо ответил дребезжащий фальцет. – Чтобы под ногами не мешалась, карга старая.... Эге! Смотри, вон кто-то отсвечивает возле автобусной остановки. Может, того самого.... Подойдём, пощупаем малость? На предмет честной и братской развёрстки?

– Не стоит! – равнодушно возразил баритон. – Там обретается какой-то малохолдный иностранец. Пока ты потрошил двух лохушек, да старуху отправлял на тот свет, я его импорт-

ные речи слушал минут десять. Даже выпил с ним портвейна – за дружбу между народами разных стран, континентов и разных цветов кожи.... Сумасшедший, коренной зуб даю. Или очень сильно обкуренный. Пусть уж живёт. Лучше этих зарубежных попугаев не трогать, себе дороже. Менты позорные, так их всех растак, потом понаедут, устроят серьёзную облаву. Так-то они глубоко копать – по поводу мёртвой бабули – не будут, спишут всё на обычную бытовуху, бомжей бесправных подтянут с ближайшей стройки.... А если иностранец будет числиться в пострадавших? Вот тогда-то опера будут искать по полной программе, землю станут рыть копытами. К иноземцам в России испокон веков привыкли относиться нежно и трепетно.... Не хочется мне нынче зону топтать. Не хочется! Почапали, благословясь, к машине. Хабар сбросим, оторвёмся на малине...

Ник достал из полиэтиленового пакета, украшенного эмблемой известного футбольного клуба, упаковку специального антиаллергенного анальгина, вскрыл, проглотил, не разжёвывая, плоскую белую таблетку и медленно пошёл по дороге, непроизвольно погружаясь в воспоминания.

Первый раз это случилось много лет назад, в средней группе детского сада. Он – вместе с десятком других беззаботных и милых карапузов – находился в игровой комнате. Разноцветные кубики, оловянные солдатики, пластмассовые машинки, деревянные лошадки. Негромкий смех, милые ссоры-перебранки: – «Коля Нестеров, отдай мне плюшевого мишку! Ты же обещал...».

Вдруг все дети – вместе с пожилой воспитательницей Полиной Петровной – пропали куда-то, а вместо них появились непонятные и подозрительные существа: кривоногие, бородастые, с очень злыми круглыми глазенками. Возглавляла крохотных бородачей худая и костистая старуха с огромной фиолетовой бородавкой на кончике носа, сжимающая в тёмных морщинистых ладонях черенок обыкновенной метлы для подметания улиц.

«Волшебные гномы из сказки!», – искренне обрадовался маленький Коля Нестеров и тут же засомневался: – «Но почему вместе с ними – баба-Яга? Она же плохая, некрасивая и злая...».

Баба-Яга незамедлительно оправдала (разрешила, подтвердила?) эти его сомнения: мерзко усмехнулась и, засунув два грязных пальца в беззубый рот, протяжно свистнула. Гномы, подчиняясь приказу, принялись дружно и исступлённо ломать игрушки: пластмассовые машинки они по-простому разбивали об стены, деревянных лошадок грубо пинали ногами, обутыми в громоздкие сапоги, а кукол и цветные кубики безжалостно грызли острыми, тёмно-коричневыми зубами. При этом бородачи громко ругались непонятными словами и щедро брызгали во все стороны зеленоватой слюной.

Коля был мальчиком тихим и добрым, но такого жуткого безобразия потерпеть не мог: крепко схватил за ноги деревянного Буратино и, обуреваемый самыми лучшими побуждениями, храбро вступил с наглецами в бескомпромиссную схватку...

Очнулся он уже в больнице. Белый потолок, белые стены, белые простыни, белая пустота в голове. Напротив – несчастные и беззащитные материнские глаза, испуганный шёпот:

– Что же ты наделал, сынок? Зачем? Почему?

Выяснилось, что он – без видимых на то веских причин – набросился на других детей и принялся их избивать деревянным Буратино. Досталось и воспитательнице Полине Петровне: острый и длинный нос куклы пробил ей насквозь ладонь правой руки. Вопли испуга, безостановочный горький плач, всеобщая паника, лужи крови на полу.... Набежала целая куча народа. Кольку – общими усилиями – крепко спеленали детсадовскими простынями по рукам и ногам и вызвали Скорую помощь, которая его и отвезла по прямому назначению, а именно, в психиатрическую больницу.

– Повышенная склонность к комплексным галлюцинациям, – обыденно объяснил родителям Ника старенький очкастый доктор Пал Палыч Сидоров, увлечённо строча что-то на первой странице толстой общей тетради. – Чем она, то есть, склонность, вызвана? Причин может быть великое множество. Например, генная предрасположенность, случайная инфекция, ещё неизвестная современной науке... Впрочем, причины не очень-то и интересны. Гораздо важнее узнать, что является непосредственным катализатором данных галлюцинаций. Но, как мне кажется, это можно будет сделать только через некоторое количество прожитых лет. Сопоставляя и тщательно анализируя произошедшие – в обозримом будущем – события и факты...

– Доктор! – взмолился Колин отец. – Может, уже сейчас есть какие-то конкретные предположения?

Старичок – с лёгкой хитринкой во взоре – многозначно улыбнулся:

– Представьте себе, есть! Когда началась эта невероятная схватка, сопровождаемая громкими воплями, то в игровую комнату со второго этажа тут же спустились директор детского сада, его заместитель и две воспитательницы. Кроме избитых детишек и окровавленной Полины Петровны они обнаружили, что в подсобном помещении, примыкающим к игровой комнате, начинался пожар... Да, да, самый настоящий пожар! Элементарное короткое замыкание, бывает. Причём, не так уж и редко... потушили пожар, конечно же. А ведь в кладовке хранилось много чего пожароопасного: старые ватные матрасы, альбомы для рисования, месячные запасы салфеток и туалетной бумаги, новогодние хлопушки и бенгальские огни... Полина Петровна уже старенькая, плюсом у неё был сильнейший насморк, поэтому она вовремя и не почувствовала запаха гари. Короче говоря, если бы не данное шумное происшествие, спровоцированное вашим необычным сынишкой, всё могло бы закончиться очень даже печально. Ну, очень грустно... Понимаете меня, уважаемые родители? Вполне возможно, что у мальчика чрезмерно развито чувство опасности. Ну, скажем, как у многих диких животных и птиц. Всем же известно, что кошки, собаки, ласточки и прочие слоны заранее чувствуют приходы волн цунами, извержения вулканов, землетрясения...

– Причём здесь ласточки, слоны и цунами? – опешила мать Ника. – И как всё это связано с коротким замыканием, безобразной дракой, потушенным пожаром и новогодними хлопушками?

– Никак не связано, – терпеливо продолжил доктор. – Просто, очевидно, тонкая психика вашего сына почувствовала – на уровне подсознания – что приближается смертельная опасность. Почувствовала и просигнализировала – как умеет. То есть, в виде комплексных галлюцинаций. Что тут хитрого и непонятного? На мой взгляд, все предельно стройно и логично.

– То есть, так теперь будет каждый раз? – забеспокоился Нестеров старший. – Тонкая и нежная психика будет что-то там чувствовать себе и бдительно сигнализировать, а наш сын – по этому поводу – продолжит бросаться на безвинных людей и молотить их – чем попало?

Пал Палыч неопределённо передёрнул худенькими плечами и поспешил успокоить:

– Зачем же сразу впадать в панику? Всё, так или иначе, поправимо... Во-первых, мы вашего сына здесь подлечим – вдумчиво и без спешки. Месяца два-три. Понаблюдаем, возьмём необходимые анализы, протестируем, поколем разные успокаивающие препараты. Во-вторых, пропишем всяких таблеток и порошков – на послебольничный период. В-третьих, я и в дальнейшем буду за ним регулярно наблюдать, принимать и осматривать, скажем, раз в три месяца. Ну, и при первых же признаках недомогания... В-четвёртых, я при выписке из больницы дам ему соответствующие инструкции поведенческого характера, соблюдая которые он без всяких проблем доживёт до глубокой старости...

С двумя-тремя месяцами доктор, естественно, обманул: без малого полгода провёл Ник в больничной палате, всю задницу медсёстры ему искололи, а анализы крови брали через два дня на третий. Ещё регулярно к нему в палату приводили разных солидных дядек в белых халатах.

Дядьки надоедливо и назойливо задавали десятки бесконечно-глупых и тупых вопросов, а, получив чёткие ответы, восторженно качали головами и удивлённо округляли глаза.

А вот про инструкции Пал Палыч не забыл. Очень серьёзно глядя на маленького Кольку из-под толстых стёкол очков, он вдумчиво и старательно наставлял:

– Ты, мой милый, никогда не паникуй. Относись ко всему спокойно, с философской точки зрения, так сказать...

– Как это – с философской? – недоверчиво шурился Ник, с самого раннего детства не терпевший всяких неясностей и заумных недоговорённостей.

– Так это! Вот тебе список книжек, подлежащих внимательному прочтению, изучению и перевариванию... Ах, да, ты же ещё читать не научился! Ничего, потом прочтёшь и переваришь. Жизнь, она же долгая... Короче, если увидишь что-то необычное и тревожное, то тут же садись куда-нибудь и прячь руки. Понимаешь? Главное, чтобы во время припадка, сопровождающегося галлюцинациями, дел не наделать всяких. То есть, не причинить окружающим тебя людям никакого вреда. Вот, повредил ты руку добрейшей старушке Полине Петровне. Разве это хорошо? Конечно же, плохо! Если покалечишь в следующий раз ещё кого-нибудь, то могут упечь в больницу уже на долгие-долгие годы... Так что, как только почувствуешь, что начинается припадок, так сразу же прячь руки. Повторяю, сразу же! Не рассуждая, не раздумывая и не сомневаясь... А вот разговоры, наоборот, разговаривай. На самые разные отвлечённые темы. Например, про вчерашнюю дождливую погоду. Или про то, что видел утром по телевизору... Во-первых, чтобы с ума не сойти по-настоящему. А, во-вторых, это может отвести реальную опасность в сторону. Окружающие тебя мужчины и женщины могут встревожиться, насторожиться, а это зачастую бывает очень полезным. Впрочем, ты ещё мал и многого не понимаешь. Ничего, я это буду повторять при каждой нашей следующей встрече. Ты – в конце концов – всё обязательно запомнишь и проникнешься...

Пал Палыч инструкции регулярно повторял, а Ник их старательно запоминал, проникался и скрупулёзно выполнял – при каждом припадке, которые посещали его по пять-шесть раз за год. Кто только не числился среди его необычных и странных Гостей! Карабас Барабас, трёхголовый Змей Горыныч, лохматые лешие, новозеландские людоеды, с головы до ног покрытые цветными татуировками, голодные волки, кровожадные тигры с длинными и острыми клыками. А когда он повзрослел, то и вампиры – во главе с самим графом Дракулой, и маньяк Чикатило – под ручку с бесноватым Адольфом Гитлером... Много их было – всяких и разных: кровавых, злобных, жестоких, бессердечных. Иногда они возникали «на месте» конкретных людей, «подменяя» собой друзей, приятелей и совершенно незнакомых прохожих. Иногда – сами по себе, например, в абсолютно пустом помещении.

Причём, появление галлюцинаций вовсе не означало, что жизни Ника что-то угрожало именно в данный конкретный момент. Просто, когда потенциально-опасные объекты обнаруживались в прямой близости, то тонкая психика подростка (а потом и молодого человека) исправно и дисциплинированно сигнализировала ему об этом.

Например, обычный рейсовый автобус, к которому утром подходил мальчишка, крепко держась за мамину руку, вдруг «превращался» в огромного бурого волка, с аппетитом кусающего и глотающего всех встречных. Ник тут же тихонько дёргал маму за руку и просительно смотрел на неё огромными, полными ужаса глазами. Лидия Алексеевна недовольно вздыхала, но не спорила, они разворачивались и шли на трамвайную остановку. А потом становилось известно, что вечером того же дня именно этот автобус, к которому они предусмотрительно не стали подходить, на всём ходу врезался в стену кирпичного дома, погибло восемь человек. «Неожиданно отказали тормоза!», – неубедительно объяснял с телевизионного экрана взволнованный диктор. Отец и мать исподтишка посматривали на сына с уважительной опаской...

Или, вот уже в выпускном классе школы гулял Ник с девушкой по весеннему парку. Шли себе неторопливо по берёзовой аллее, болтали о всяком и разном, робко обнимались, неумело

целовались. Всё как полагается. . . . Вдруг, молодой человек заметил, как из парусинового павильона, где продавались прохладительные напитки и мороженное, высовывается окровавленная морда здоровенного, буро-зелёного крокодила. Ник побледнел и потащил удивлённую девушку за рукав прочь из парка. А через три с половиной часа именно в том павильоне произошло двойное убийство. . . .

Трудно было к таким нестандартным происшествиям относиться спокойно и адекватно. Но он всё выдержал, с ума не сошёл и вырос вполне приличным человеком: в меру добрым, в меру честным, в меру благородным. А всё потому, что всегда неукоснительно выполнял инструкции мудрого доктора Сидорова.

Более того, по достижении восемнадцати лет Николай Сергеевич Нестеров был признан абсолютно здоровым и два года безропотно отдал российской армии. В одной далёкой и беспокойной южной стране, в составе подразделения особого назначения, где очень ценились всякие необычные человеческие способности. А обострённое чувство опасности в военном деле – вещь ни чем незаменимая. . . .

Впрочем, Ник не любил вспоминать об этом жизненном периоде. Очень не любил, вернее, терпеть не мог. . . . Главным образом потому, что тогда было очень трудно отделять объективную реальность от галлюцинаций: больно уж они были похожи друг на друга – страхолюдные смуглые рожи с глазами хладнокровных убийц.

Потом-то полковник Ануфриев ему подробно и доходчиво объяснил, чем настоящие моджахеды отличаются от виртуальных и фантомных. Всё постепенно наладилось: на галлюцинации Ник больше никакого внимания не обращал, а в настоящего врага исправно палил из автомата и ручного пулемёта. Ещё иногда швырял гранаты – и наступательные, и оборонительные. Только, всё равно, слишком много крови (самой натуральной!) было пролито за эти два года. Не хотелось вспоминать. С души воротило. . . .

После армии он успешно (с красным дипломом) закончил юридический факультет Питерского Университета, но по специальности не отработал ни единого дня. Невесть откуда вынырнул полковник в запасе Иван Иванович Ануфриев, ставший – каким-то непостижимым образом – солидным и матёрым финансистом, да и определил Ника в свою банковскую структуру – начальником охраны депозитария, то есть, обычного хранилища самых разных материальных ценностей, только очень большого. Как же иначе? Человек, обострённо чувствующий приближение нешуточной опасности, обязательно должен работать охранником. Обязательно и всенепременно!

Правда, незадолго до защиты дипломного проекта галлюцинации перестали беспокоить Ника. Совсем перестали. Может, это так эффективно сработали таблетки нового поколения, предоставленные добрым и заботливым Пал Палычем. А, может, этому способствовала счастливая женитьба на Марии (Маняше, Марье, Марьяне, Маше, Матильде), его однокурснице, девице симпатичной, взбалмошной и совершенно непредсказуемой.

Как бы там ни было, но молодая семья остро нуждалась в денежных купюрах, и Ник не стал ставить Ануфриева в известность об утраченных способностях.

– Охраняй банковское хранилище самым обычным образом, – мудро советовала Маняша. – Существуют же видеокамеры, всякие подслушивающие устройства, инфракрасные излучатели, приборы ночного видения. Вон, весь Интернет забит шикарными предложениями. Пусть Иван Иванович раскошеляется – ради пользы дела. . . .

Он и охранял – вдумчиво, тщательно и надёжно. За прошедшие шесть лет никаких неприятных казусов и сбоев в работе депозитария не наблюдалось, ни единой копейки из сейфов хранилища не пропало. Ануфриев был Ником доволен и на щедрые выплаты не скупился: молодая семья приобрела две новые иномарки и построила просторный коттедж на территории престижного охраняемого посёлка. Правда, на отшибе, в пятнадцати километрах от города.

– Ничего страшного! – и не думала расстраиваться Матильда, являвшаяся оптимисткой по жизни. – Зато здесь отличная экология и свежий воздух! Вот, надумаем с тобой – через годик-другой – обзавестись ребёнком...

Ник недоверчиво пожимал плечами и хмурился: эти разговоры про «через годик-другой» были ему знакомы до нудной зубной боли. То есть, на протяжении шести лет счастливой семейной жизни они никогда и не прекращались. Только ребёнком они так и не обзавелись. То одно мешало, то другое...

И вот – неожиданно и незвано – галлюцинации вернулись.

– Вот же блин горелый! – Ник смачно сплюнул в темноту. – Не было печали. Просто уходило лето...

Дорога резко повернула в сторону, до высокого забора красного кирпича, ограждающего коттеджный городок от суеты и опасностей внешнего мира, оставалось метров двести пятьдесят.

За низким кустарником раkitника угрожающе затрещали сухие ветки под чьими-то тяжёлыми лапами.

«Снова приближается долбаный приступ?», – засомневался, останавливаясь, Ник. – «Или же там прячется кто-то реальный?»

Он, обходя раkitник стороной, подобрал с земли толстую сучковатую палку.

– Гав! – рывкнуло неизвестное существо басом, и тёмное мускулистое тело метнулась в его сторону.

Янтарно-жёлтые круглые глаза-фары, белоснежные клыки, украшенные клочьями розовой пены...

Гигантский пёс неожиданно замер в воздухе, упал – как подкошенный – на землю и жалобно завизжал.

Впрочем, уже через мгновение собака бодро вскочила на лапы, вновь принялась угрожающе гавкать и хрипеть, натягивая до предела невидимую веревку. С верхней ветки дальней берёзы – шумно и грузно – взлетела потрёпанная чёрная ворона, недовольно каркая, заложила широкий круг и исчезла в ночном сумраке...

«Собака-то настоящая!», – облегчённо вздохнул Ник. – «Отличать галлюцинации от реальных объектов я ещё, слава Богу, не разучился. Только вот, собственно, какая разница? Галлюцинации, по крайней мере, не кусаются и не могут порвать на составные части... Вот, оборвётся верёвка, что делать тогда? А? Такую здоровенную дурицу голыми руками не взять, несмотря, даже, на наличие соответствующих навыков...».

Пёс продолжал надрывать-заходиться в хриплом лае, и через полминуты был однозначно опознан: звали этого сторожевого бельгийца Вулканом, и он принадлежал Олегу Абрамовичу Быстрову – ближайшему соседу семейства Нестеровых по коттеджному посёлку.

И собака, и её хозяин Нику никогда не нравились, больно уж оба были скрытными и хмурыми. Олег раньше служил по прокурорскому ведомству, а нынче занимался каким-то скользким и непонятным бизнесом, был разведён и проживал в отнюдь немаленьком доме один. В смысле, с Вулканом, который гавкал и урлобно рычал на всех подряд без разбора, а также безжалостно и умело душил всех котов и кошек, неосторожно появившихся у него на дороге. При этом бывший прокурор настырного пса никогда не останавливал и не ругал, только непонятно цокал языком и одобрительно качал головой.

– Три часа ночи, – непонимающе передёрнул плечами Ник. – Для чего, спрашивается, надо было здесь привязывать животное? Может, это такое наказание? Например, Вулкан изгрыз любимый ботинок Олега...

Махнув на прощанье лающему псу рукой, он пошёл по направлению к воротам в заборе, освещённым двумя яркими фонарями, на ходу доставая из кармана спортивных штанов связку ключей.

В голове снова глумливо и надоедливо защёлкало, тихонько заскрипели дверные петли, в воротах приоткрылась калитка, и из неё показался Дед Мороз. Конкретный такой Дед, в красном полушубке с меховой опушкой по воротнику и рукавам, в высоких чёрных валенках, с длинной снежно-белой бородой. Только ненастоящий, а галлюциногенный. В этом Ник ни на секунду не усомнился.

– Привет, Нестеров! – мерзко ухмыльнулся Дед Мороз, демонстрируя характерные острые клыки, измазанные чём-то ярко-алым. – Я и не предполагал, что ты будешь из наших. Знать, хорошо маскировался все эти годы, а сегодня не выдержал. Полнолуние, понятное дело! Тут кого угодно потянет на свежую кровушку.... О, да тебя уже можно поздравить: все кроссовки вымазаны в ней, в родимой! Шустёр ты, братец! Шустёр! опередил меня, вот же...

– Погода нынче хорошая, – вскользь улыбнувшись, мягко сообщил Ник. – И завтра не будет сильных дождей, точно говорю.

– С чего ты это взял?

– Так вон, собака гавкает. Слышишь, как звонко и протяжно? А вот, если бы брехала глухо и коротко, то вот это, соответственно, было бы к затяжным дождям.... Последним гадом буду, проверено десять миллионов раз! Не, я говорю совершенно серьёзно: меня этим погодным премудростям обучал один сенегальский колдун. Дельный такой дядечка, знающий и опытный. Он в своё время окончил какой-то французский Университет, факультет естественных наук, кажется....

– Ладно, умник хренов, приятно было поболтать! – неожиданно загрустил вампир, загримированный под Деда Мороза. – Тороплюсь, надо любимую собачку отвязать. Ну, и поужинать плотно. Как же без этого? – многозначительно сверкнул клыками. – Бывай, коллега! Женушке привет передавай от меня! Пламенный такой, горячий.... Симпатичная тёлочка досталась тебе, фигуристая такая, длинноногая, ничего не скажешь. Даже завидно немного.... Ха-ха-ха!

– Бывай, коллега, – вяло отозвался Ник и, пройдя в распахнутую калитку, аккуратно прикрыл её.

Капли ледяного пота, медленно стекающие по лицу и спине, мелко подрагивающие руки и ноги. Он плавно развернулся на сто восемьдесят градусов, снова взялся за ручку калитки и осторожно – через узкую щель – выглянул наружу.

Вампир в красной шубе и чёрных высоких валенках бесследно исчез, а вместо него – метрах в тридцати-сорока от ворот – маячила широкоплечая удаляющаяся спина в тёмно-синей футболке. Вдали раздавался залихватистый радостный лай, перемежаемый нежным и нетерпеливым поскуливанием. На востоке появилась тоненькая розовая нитка, говорящая о приближении рассвета.

«Соседушка Олежка Быстров пошёл отвязывать своего ненаглядного Вулкана», – понял Ник. – «Интересно, что он подумал обо мне? Наверное, офигел до полного и окончательного изумления.... Значит, у меня, всё же, был повторный приступ. С чего бы это вдруг? Там, возле автобусной остановки, я оказался случайным свидетелем серьёзного преступления. Возможно, тройного убийства. Так что, безусловно, присутствовала серьёзная опасность.... А сейчас в чём, собственно, дело?».

– Николай Сергеевич, что-то случилось? С вами всё в порядке? – поинтересовался обеспокоенный голос. – Вы себя хорошо чувствуете? Может, помочь? Проводить?

Ник обернулся и вымученно подмигнул подошедшему ночному сторожу-охраннику:

– Всё в порядке, Витёк, не беспокойся. Голова закружилась немного. Ничего страшного. Доковыляю уж как-нибудь. Спасибо за заботу....

В свете частых, в меру ярких фонарей он медленно добрёл до своего дома: аккуратного, обшитого светло-кремовым сайдингом, под тёмно-красной черепичной крышей.

На открытой веранде лениво тлел розовый огонёк сигареты, рядом с перилами смутно белела неясная фигура.

– Опять куришь, Марьяша? – недовольным голосом спросил Ник. – А ведь столько раз обещала бросить! Ведь, обещала? Тебе не стыдно, дорогая?

– Не стыдно! – ответил грубый и низкий голос, который уж никак не мог принадлежать молоденькой и симпатичной женщине. – Нам, природным оборотням-мутантам, чувство стыда неведомо...

Понимая, что припадок вернулся вновь, он подошёл к пузатой пластиковой бочке с дождевой водой, стоявшей под стоком крыши, и, громко фыркая, тщательно умылся.

«Надо тянуть время!», – прошелестело в голове. – «Может, приступ прекратится через минуту-другую? Ведь никакой опасности рядом нет... Или, получается, есть?».

– Что за дурацкая и плебейская манера – умыться из бочки? – от души возмутился грубый голос, в котором прорезались ярко-выраженные гневные нотки. – Для чего тогда тебе ванная комната, урод припадочный? Давно голову не откусывали? Глаза не высасывали? Ногти не вырывали ржавыми плоскогубцами?

«Всё, пора срочно ложиться спать. Хватит на сегодня галлюцинаций и фантомов», – решил Ник. – «Может, утром всё вернётся в нормальное русло? В смысле, на круги своя? Как нас учат мудрые народные пословицы и поговорки – утро вечера всегда мудреней...».

Он, не развязывая шнурков, стащил с ног запачканные кроссовки, наспех обтёр их носовым платком, и, подумав немного, запихал обувь – вместе с платком – в мусорный бачок.

– Чем ты там грохачешь, ублюдок жизнерадостный? – утробно ухнуло с веранды. – Заканчивай там, юродивый! Где мои таблетки от головной боли, увалень белокрысый? Иди сюда немедленно! Поцелуй-ка свою молоденькую и трепетную жёнушку.... Ха-ха-ха!

Ник, собрав остатки воли в кулак, поднялся по короткой лесенке на веранду и вымученно улыбнулся:

– Привет, Маришка! Извини, что задержался. Так вот получилось.... Таблетки? Вот, пожалуйста, возьми. Ничего, что я вскрыл упаковку? Господи, Боже мой! – непроизвольно сделал полшага в сторону.

Навстречу ему надвигался австралийский кенгуру: ростом метра два с кепкой, мощные и мускулистые задние лапы, короткие передние, большая кожаная сумка на выпирающем вперёд животе. Только вот из костистых плеч млекопитающего высовывалась голова гигантской гусеницы: с чёрно-белыми глазами-блюдцами, покрытая неаппетитными жёлтыми жировыми складками и противными ярко-розовыми пупырышками.

– Поцелуй! – строго и непреклонно велела голова гусеницы, нагибаясь и противно вытягивая вперёд тонкие чёрные губы, обведённые широкой ярко-зелёной полосой. – Милый! Любимый! Как же я обожаю тебя!

Крепко прикрыв глаза, и отгоняя прочь желание – незамедлительно грохнуться в обморок – Ник торопливо и коротко прикоснулся губами к чему-то очень липкому и вязкому, после чего жалко и просительно забормотал:

– Дорогая! Я очень устал и смертельно хочу спать.... Извини, пожалуйста! Я пойду, ладно? Можно? Спасибо огромное...

Он, слегка покачиваясь, с трудом добрался до кухни-столовой, где располагался большой гостевой диван. Включил настенное бра, подложил под голову цилиндрический диванный валик и, уже засыпая, отметил краешком сознания, что на подоконнике лежит мужской носок. Незнакомый такой, серый в мелкую чёрную клеточку. А ещё ему показалось, что за окном промелькнула неясная, тревожная и недобрая серая тень.

«И, вообще, на ночь окна надо закрывать. Всегда, и зимой, и летом...», – сонно посоветовал смертельно усталый внутренний голос.

– Сказка? – негромко раздалось откуда-то сверху. – А что? И, правда, сказка. Тут одни такие сплошные сказки.... Сказки Зброшенных Крыш...

Испуганная стайка белых голубей неожиданно выпорхнула из-за неуклюжей старинной трубы светло-жёлтого кирпича. Разбившись на пары, птицы стремительно разлетелись в разные стороны.

– Что это было? – спросил Ник.

– Если вы про голос, то это просто местный Дневальный, – сладко позёывая, ответил Кот. – Тут постоянно кто-нибудь наблюдает, надзирает, слушает, любопытствует, далее по списку.... А если про птичек этих гадких и наглых, то это шпионы тутошные, они же – сплетники и сплетницы. Мало того, что подслушают, так ещё потом разлетятся по Крышам, всем всё расскажут, перескажут, переинчат, добавят от себя – что было, и чего не было никогда.... Прямо не голуби благородные, а так, говорящие попугаи из субтропических джунглей. Срамота одна! Ни одних секретных переговоров не провести, право.... Поначалу, я даже ловить их пробовал. Кот я, или не кот, в конце-то концов? Бесполезно всё: подкрадёшься, прыгнешь, бэмц – носом об стенку невидимую. Больно-то как! Силовые поля, какие, защитные, что ли? Да и Бог с ними.... Послушайте, Ник, а что это мы друг другу всё «выкаем», словно гимназисточки добропорядочные и благовоспитанные? Были тут – проездом – несколько. До чего же нудные и манерные создания, доложу я вам! Умом можно тронуться.... Может, на «ты» перейдём?

Ник согласно закивал головой:

– Конечно, перейдём! Только вот, по такому случаю выпить полагается: за знакомство, за встречу, «на брудершафт» – так сказать.... Тут как с разными бытовыми мелочами, в смысле, выпить, закусить? С прочими ежедневными потребностями?

– С этим, как раз, всё и просто, – Кот ловко спрыгнул с деревянного ящика и упруго выгнул спину. – Живые организмы, обитающие на Зброшенных Крышах, в еде и жидкости не нуждаются. Следовательно, и в туалетах необходимости нет, что весьма удобно, согласитесь. Да и спать совсем необязательно.... Но, если имеется веский повод – устроить маленький дружеский пикничок, то можно у Верхних попросить – об одолжении невеликом. Бывает, что идут навстречу, были уже соответствующие прецеденты.... Кстати, и язык тут всеобщий, то бишь, каждый говорит на своём, но все друг друга прекрасно понимают. Тоже, на мой вкус, весьма недурное нововведение....

Кот встал на задние лапы, передними упершись всё в тот же деревянный ящик, задрал голову вверх и прокричал – звонко и пронзительно:

– Эй, многоуважаемый и мудрейший Дежурный Ангел! Приём-приём? Не будите ли столь любезны – предоставить нам с другом какую-никакую достойную выпивку-закуску? На ваше усмотрение, понятное дело.... Что за повод к посиделкам? А у нас праздник сегодня, или что-то вроде того. Познакомились, на «ты», опять же, перейти собираемся. А? Если что, я и отслужить могу! Приём-приём?

Секунд десять-двенадцать тишины.... Только негромко и нудно шелестел мелкий бытовой мусор, перекачиваемый хулиганистым ветерком по Крышам.

Затем раздался тоненький хрустальный звон, и прямо из воздуха появился (возник, нарисовался, проявился?) Ангел – дюжий и широкоплечий мужичок с обветренным бородатым лицом, в белоснежных одеяниях, с небольшими аккуратными крыльями за спиной. В одной руке бородач сжимал обычный, светло-коричневый бумажный конверт, в другой – ручку боль-

шой плетёной корзины, из которой гордо высовывались горлышки трёх бутылок светло-зелёного стекла.

– Здравствуй, Кот! – вальяжно и покровительственно пророкотал Дежурный Ангел. – И тебе Ник, раб Божий, здравствовать, насколько это применительно к реалиям наших Заброшенных Крыш...

– Здравсте, – скромно промямлил Ник, ошеломлённый этим внезапным появлением.

Кот же отделался только лёгким и небрежным наклоном головы, словно бы демонстрируя повышенное самоуважение к своей непростой персоне.

Крылатый обладатель шикарной бороды поставил корзинку у ног Ника, а конверт протянул Коту:

– Просимое вами – доставлено! Ты, Кот, если не ошибаюсь, отслужить обещал? Вот и отслужи: передай это послание небезызвестной тебе Анхелине Томпсон, лично в руки. Да, не мешкая! Часа через три с половиной, не позже. Иначе, некоторые Упрямыцы опять бучу успеют поднять.... Всех благ, благородные эсквайры!! – Ангел демонстративно посмотрел на свои массивные наручные часы, отдал Коту конверт и медленно – секунд за восемь-девять – растаял в воздухе...

– Хитрые какие! – презрительно прошипел Кот, недовольно вертя конверт в лапах. – Сами, видите ли, не могут. Тоже мне, неженки! Через три с половиной часа? Ну, конечно, у них же и часики имеются! А как бедному коту время определять? Тоже мне – Умники....

Ник, всё ещё прибывая в прострации от произошедшего, машинально заглянул в корзинку. Её содержимое бодрости духа не прибавило: клетчатая бумажная одноразовая ска-терть, цветные салфетки, стопка пластиковых стаканчиков, буханка загодя нарезанного чёрного хлеба, три плавленых сырка «Дружба», двухлитровая банка с маринованными огурцами, закрытая полиэтиленовой крышкой, десяток жаренных куриных бёдер в прозрачном пластиковом контейнере и три бутылки «Агдама»² – да, того самого, из славных восьмидесятых.

– Однако, блин горелый! – ошарашено пробормотал Ник себе под нос, бестолково расставляя на бумажной скатерти нехитрое угощение. – Сюрреализм какой-то, честное слово...

– Что-то не так? – забеспокоился Кот. – Обычно Они стараются всё по вкусу вновь прибывшего поставлять, своё доброе отношение, так сказать, демонстрируя. Что, в этот раз – обмишурились немного?

– Да, как тебе сказать, – неуверенно протянул Ник, ловко открывая одну за другой бутылки с портвейном. – Лет восемь-десять назад всё это, безусловно, считалось изысканными деликатесами, а нынче – как бы и нет.... Да ладно, дарёному коню в зубы не смотрят, чего уж там. Опять же, бурную молодость можно будет вспомнить.... Прошу вас, мой любезный друг, угощайтесь, чем Бог послал!

Кот взял в одну лапу пластиковый стаканчик с тёмно-коричневой подозрительной жидкостью, в другую – жаренную куриную лапу, и важно известил:

– Тогда-то всё понятно! Что для Них – восемь-десять лет? Так, миг один. Краткий и совсем ничего незначущий. Отстали чуть-чуть наши Умники от вкусов народонаселения. Ничего страшного и смертельного, бывает.... Давай, браток, за крепкую мужскую дружбу!

Выпив, Ник торопливо запихал в рот кусок сырка «Дружба», борясь с прогнозируемо пришедшей тошнотой. Кот же, слегка передёрнувшись, жадно впился острыми белоснежными зубами в куриное бедро, истекающее янтарными каплями жира.

– Вино – дрянь полная и страшная! – со знанием дела констатировал Кот. – А птичка жаренная хороша! Что это такое – куропатка, фазан, рябчик?

Ник, достав из банки огурец, аппетитно захрустел и с небольшой задержкой ответил:

¹ Эсквайр – в современном английском языке – синоним слова «джентльмен».

² «Агдам» – сорт дешёвого портвейна российского производства.

– Это называется – «ножки Буша».

– Да? – аккуратно сложив на краю скатерти тщательно обглоданные косточки, Кот взял в лапы очередное бедро курицы. – Первый раз слышу, но отменно вкусно. Славные птицы – эти буши! Вот ещё... Теперь, раз мы друзья, можешь меня называть настоящим именем – «Маркизом».

– Спасибо за оказанное доверие! – весело поблагодарил Ник. – У меня тоже много имён: Ник, Николай, Николаша, Коля, Колька... Любое выбирай, какое приглянется.

Вскоре бутылка опустела. Прежде чем браться за вторую, они решили сделать маленький перерыв. Ник достал из кармана куртки мятую пачку сигарет и зажигалку, закурил. Кот, после пятисекундных колебаний, от предложенной сигареты вежливо отказался.

– Хорошо-то как – вот так посидеть, выпить! – расслабленно произнёс Ник, задумчиво пуская табачные кольца в небо. – А вот, скажи-ка мне, друг Маркиз... Чу, а это ещё что?

Откуда-то донеслись странные звуки: громкое шарканье – вперемишку с размеренными и неторопливыми ударами молотка по шляпке забиваемого гвоздя.

Порядком захмелевший Кот, важно покачав в воздухе пушистым и толстым хвостом, назидательно и пафосно поднял указательный коготь правой лапы вверх:

– О, это очень неординарный и нетипичный случай! Тебе, Николаша, будет интересно. Подожди, они уже близко, сейчас познакомлю.

Через минуту-другую из-за ближайшего скопления разномастных печных труб показалась странная парочка: высокий и худой, стройный – как пламя свечи – старик в древних стальных доспехах бережно вёл под ручку худенькую, низенькую и сморщенную старушку, одетую в пышное платье – фасона века эдак шестнадцатого-семнадцатого. Невольно создавалось впечатление, что эти пожилые люди только что сошли со страниц какого-нибудь рыцарского романа.

Длинные, седые, зачёсанные назад волосы мужчины очень эстетично развевались на ветру, тяжёлый и длинный меч – в кожаных ножнах с металлическими нашлёпками – равномерно постукивал по разномастной кровле Крыш. Хрупкая старушка неуклюже семенила рядом: на три шажка бабули приходился один шаг её рослого спутника...

«Действительно, очень необычная парочка!», – непроизвольно отметил про себя Ник. – «Визуально, оба немощны и стары, но угадывается в них – с первого взгляда – некая скрытая и очень серьёзная сила, спрятанная где-то там, внутри...».

Кот, до того времени небрежно и барственно развалившийся на краю бумажной скатерти, мгновенно вскочил на задние лапы и, уважительно шаркнув когтями по старой кровельной жести, уважительным баритоном произнёс:

– Позвольте вас представить друг другу, господа и дамы! благородный рыцарь Айвенго, прекрасная леди Ровена, мистер Ник, эсквайр, он же – Николай Сергеевич Нестеров...

Ник, торопливо запихав потухший окурочок в пустую бутылку из-под «Агдама», отвесил новым знакомым низкий изысканный поклон – как в тех голливудских фильмах про Рыцарские Времена, которые он смотрел когда-то, в бесконечно-далёком отрочестве. Словно бы не заметив этого жеста средневекового этикета, старик подошёл к Нику вплотную и поздоровался с ним за руку: то ещё получилось рукопожатие – крепкое, искреннее, настоящее.

– Оставьте эти официальные штучки, милый друг, – негромко прошептала леди Ровена и ласково провела морщинистой ладонью по щеке Ника. – Мы с мужем уже знаем историю вашего появления на Заброшенных Крышах. Более того, искренне гордимся нашему знакомству. Мы рады, что истинное благородство живёт и поныне...

– Да, мы очень рады, – скупой улыбнувшись, подтвердил Айвенго. – Голуби уже обо всём доложили. В подробностях... Хотите, мистер Ник, я прямо сейчас посвящу вас в рыцари? Если, конечно, некие – Там-Наверху – будут не против, – старик посмотрел на небо с явным неодобрением, словно бы ожидая подвоха. Или, наоборот, разрешения?

Небеса равнодушно промолчали в ответ.

– Уже неплохо! – криво усмехнулся Айвенго. – Сразу не отказали. Может, позже и разрешить изволят...

– Прошу садиться, дамы и господа! Прошу! Мы вам бесконечно рады! Николай, налей же нашим благородным гостям праздничного вина! – Кот вытащил – невесть откуда – два раскладных стульчика и смешно засуетился, усаживая на них стариков.

Честно говоря, эта идея показалась Нику отнюдь неблестящей. Предлагать благородным рыцарям и их легендарным жёнам российский «Агдам», изготовленный из подгнивших осенних яблок? Как-то, право, неудобно, мягко выражаясь...

– Что же! – высоко поднимая свой пластиковый стаканчик, торжественно провозгласил Айвенго. – За честь, доблесть и благородство! И за тех, для кого эти понятия и термины – не просто красивые и цветастые слова. Виват! Виват! Виват!

– Очень даже интересные и необычные нотки ощущаются в этом замечательном вине, – вежливо проворковала леди Ровена, только чуть-чуть пригубившая предложенный напиток.

Рыцарь Айвенго, напротив, осушив свой стаканчик единым махом, тут же побагровел, глухо крикнул, но отозвался об «Агдаме» весьма лестно:

– Узнаю, как же. Настоящий португальский портвейн! Доводилось – в своё время – пробовать. И в кабаках Лиссабона, и на благословенном острове Мадейра. А выдержка у напитка вполне достойная, чувствуется, что он несколько лет хранился в дубовом бочонке.

Светский разговор о завтрашней погоде и английской поэзии, о различных исторических коллизиях и творениях великого Шекспира, в перерывах – благородный «Агдам»...

– Извините меня, доблестный Айвенго, и вы, прекрасная леди Ровена! – не выдержал, наконец, Ник. – Но позвольте, всё же, поинтересоваться: как вы оказались на Заброшенных Крышах? С вашей-то безупречной репутацией, подтверждённой многочисленными романами, другими художественными произведениями, устными легендами, наконец? Как такое, вообще, могло произойти? Может, злые наветы? Происки завистников?

– Да нет, всё по правде, – грустно вздохнул старик. – Всё по правде... Помните, благородный Ник, у знаменитого Робина Гуда был такой закадычный приятель – отец Тук? Да, тот самый... Грешил по мелочам, иногда выпивал лишнего. Ерунда, в общем и целом... А потом, вскоре после нашей с леди Ровеной свадьбы, отправился я с некими достойными мужами в серьёзное плаванье по загадочным Южным морям. Через пару-тройку лет вернулся обратно, в старую добрую Англию, и написал несколько баллад, романсов и пару сонетов – о том славном путешествии... Так, совершенно ничего особенного и оригинального. К примеру, послушайте вот эту скромную балладу, которая так и называется – «Баллада Странствий»:

Эхо – былых времён.
Зов – тех далёких стран.
Вновь – ветер перемен
Бьёт – в наши паруса!
Тени – прожитых лет
Нам не дают – уснуть.
Отблески – прошлых побед
Наш – озаряют путь!
Чаяк – тоскливый крик
Вслед – летит за кормой.
Жизнь – это только миг.
Нам не надо – другой.
Клипер – поднял паруса.
Все – словно бы – навсегда.
И – голубая звезда

Снова – слепит глаза.
Сотни – ужасных бурь
Где-то в засаде – сидят.
Нынче у нас – июнь,
Плаванье – до декабря.
Месяц – и белый песок,
Тёплый и нежный – такой
Кошкой – лежит у ног.
Ластиться – под рукой.
В том кабачке – огни,
И гитары – поют.
Тропики – рай для любви.
Может – останусь я тут?
Вдруг – позабуду тебя,
Завтра – встав по утрам?
Златом – пошло звеня,
Я гарем – заведу?
В трюм его – помещу,
Вновь – поднять паруса!
Отчего же – грущу?
Отчего же – слеза?
И – миллиарды звёзд
Нежно так светят – вдали...
Слушай – не надо слёз,
Просто – меня позови.
Ты позови – всерьёз,
Через – шторма и года.
Что мне – те полчища звёзд?
Ты у меня – одна.
Сон, вдруг, снится ещё.
Первый снег – на полях,
По полю мы – вдвоём
Дружно шагаем. Зря
Снился – под утро – тот сон
Яркая – в небе заря,
Чистый – совсем горизонт.
Может – всё это – зря?
Значит – всё решено:
Вся команда – наверх!
Рулевой – путь домой!
Даст Бог – всем!

Снова – знакомый причал.
Кто там – стоит на краю
Пирса? Не уж-то – Она?
Та – что так нежно – люблю...

– А мне вот этот романс нравится очень-очень! – нетерпеливо вмешалась леди Ровена. –
Слушайте, благородный Ник!

Старушка запела приятным и чистым фальцетом, правда, почти не попадая в ноты:

И вот, когда приходит ночь,
То замолкают птицы в клетках.
И дождик – на осенних ветках –
Играет нам ноктюрн – о днях былых.
О тех, что в даль умчались без возврата,
Оставив нам из листьев – горы злата,
И думы о делах Времён иных.
И думы – о делах Времён – иных.

Как мелко мы живём, помилуй Бог!
Всё деньги и камни считаем,
И главного – совсем не понимаем,
Плачевный жизни подводя итог.
Как мелко мы живём – помилуй Бог!

А где-то там, в немыслимой дали,
Плывут себе – Нежданному на встречу,
Призрев вот этот скучный пыльный вечер,
По голубым волнам – красавцы-корабли.
Вот где-то там – в немыслимой – дали.

И девушки, скромны и грациозны,
На берегу – ждут капитанов тех.
И молятся – за их Большой успех
В делах – по-настоящему – серьёзных.
Те девушки – скромны и грациозны...

Победных труб – знакомые мотивы
Конечно, очень скоро зазвучат,
А циники – покорно замолчат,
Когда домой вернуться пилигримы,
Под музыки – победные мотивы...

И вот теперь, когда приходит ночь,
Я выпускаю своих птиц из клеток,
И их несёт от сель – порывом ветра,
От скуки и печали этой – прочь.
Их ждёт таинственная ночь!
Их ждёт – таинственная – ночь...

– Как вам, понравилось? – практически хором спросили старики, неуверенно и тревожно поглядывая на слушателей.

Ник постарался быть максимально вежливым:

– Конечно же, понравилось! Очень и очень романтично! Такие стихи, баллады, романсы и сонеты непременно должны воспитывать в юношах любовь к приключениям, вдохновлять их на бескорыстные подвиги и благородные поступки. Лично я – в очередной раз – несказанно рад нашему знакомству...

– А вот там, Наверху, решили совсем по-другому, – ворчливо напомнил о своём существовании Кот. – Доблестный Айвенго все свои сочинения скрупулёзно записал на листах пергамента, да и отдал их отцу Туку, дабы означенный образованный монах, прочитав, потом дал непредвзятую оценку этим опусам. . . . А отец Тук оказался натуральной свиньёй! В том смысле, что жирным и абсолютно бесстыжим боровом, – от навалившегося праведного возмущения Кот неожиданно потерял дар речи и потерянно замолчал, ежесекундно фыркая и невежливо отплёвываясь. . . .

– Бедняга Тук просто всё понял не совсем правильно, – миролюбиво произнёс Айвенго. – Он всегда был натурой увлекающейся, любил пофантазировать избыточно. . . . Короче говоря, начитался отец Тук моих стишков, да и отправился в дальние южные страны. А потом, неожиданно для всех, стал кровожадным и жестоким пиратом. Много за ним числится всяческих непотребств, и не сосчитать. Такой кровавый след тянется – не описать никакими словами. Конечно же, через некоторое время его поймали, судили, да, как и полагается, отрубили буйну голову. . . . А потом – по дороге в Ад – доставили на Высший Суд, где отец Тук и продемонстрировал те злосчастные пергаментные листы. И пояснил при этом, мол: – «Это рыцарь Айвенго виноват во всём! С этих его стишков она и началась – тяга к дальним морским путешествиям. А, в конечном итоге, и к пиратству бесшабашному. . . .».

– Мы с Айвенго, – подхватила леди Ровена, – умерли через много лет после казни кровавого отца Тука. В один день, как и полагается. Правда, Айвенго, – старушка недовольно нахмурилась, – опередил меня на несколько часов, негодник такой. . . . Естественно, мы были уверены, что попадём прямиком в Небесный Рай. Как же иначе, когда позади столько лет безупречной жизни!? Размечтались, наивные. . . . Оказались на этих Заброшенных Крышах! На одной чаше весов – долгая безгрешная жизнь, полная благородных и богоугодных поступков. А на другой – слугитель Святой Церкви, ставший, якобы из-за моего мужа, жестоким пиратом. . . . Ну, а я, как верная и любящая жена, была просто обязана разделить участь Айвенго. Муж и жена, они – сами знаете «кто» – одна. . . . Вот так неожиданно всё и обернулось. Уже многие века мы безвылазно находимся здесь, ожидая сами не зная чего. . . .

– Позвольте, как же так! – Ник уже стал немного разбираться в здешней логике. – Но ведь вам обязаны были предложить – вернуться Назад. Дать реальную возможность – исправить ситуацию. Разве нет? – он вопросительно посмотрел на Кота.

Кот, забыв о тонкостях этикета, отхлебнул «Агдама» прямо из бутылки, занюхал собственной лапой и охотно пояснил:

– Так всё и должно было произойти: переносится Душа доблестного рыцаря обратно, в тот самый момент, когда ставится последняя точка на последнем листе злосчастливого пергамента, встаёт Айвенго из-за стола и, не раздумывая ни секунды, бросает сии документы в жаркое пламя камина. . . . Всё на этом! Ура! Разрешено досадное недоразумение! Добро пожаловать – в Рай! Но, не тут-то было. . . . Эти приснопамятные пергаментные листы фигурировал на Высшем Суде. Следовательно, является важнейшей уликой и подлежит хранению в Архивах – до Скончания Света. . . . А отправлять храброго рыцаря Айвенго и нежную леди Ровену в Прошлое без них – совсем бесполезно и глупо: ведь ничего при этом не изменится. Совсем ничего! Шарада такая, бессмысленная и неразрешимая. . . . Правда, лет двести с небольшим тому назад один судейский стряпчий – по пошлomu недоразумению – залетал на наши Крыши. Так вот, он говорил, что эту проблему можно решить без особого труда: надо с нужных пергаментных листов снять копии, заверить их у Главного, ещё так у кого-то, дело и сладится, копия останется в Архиве, а подлинник отдадут доблестному Айвенго. . . .

– Ага! – нахмурился старик. – Только ещё тот стряпчий советовал нанять хорошего адвоката, мол: – «Без пройдошистого и наглого адвоката ничего не получится. . . .». А где, спрашивается, взять такого? Негде!

– Это точно, негде, – подтвердил Кот. – Адвокатов на Зброшенных Крышах сроду не бывало. Скажу вам по большому секрету, и в Раю нет ни одного. Они все – прямым ходом, оптом и поодиночке – следуют в Котлы кипящие.... Что это ты, дружище Ник, так активно крутишь головой? Поверить не можешь? Точно тебе говорю – ни единого! Вообще-то, официально считается, что самый страшный и непростительный грех, мол, «гордыня».... Но и в Раю, торжественно даю любимый коренной зуб, хватает всяких, не в меру гордых персон: в глубине Души человек может быть записным гордецом, но при этом регулярно совершать дела добрые, насквозь богоугодные. Так-то оно! А вот, «лицемерие».... Это в Земном Мире к нему относятся излишне снисходительно и несерьёзно. А там, Наверху, давно уже просекли что почём, осознали нешуточную опасность. И все лицемеры в Котлы следуют напрямую, с кожей ободранной напрочь, без единого шанса на иной исход.... Так что, бедные адвокаты! Страшна и незавидна их участь.... Никогда, дружище Ник, не связывайся с адвокатской братией! Никогда!

Ещё минут через десять старики засобирались.

– Пора нам уже, друзья! – словно бы чего-то немного стыдясь и смущаясь, негромко произнёс Айвенго. – Мы направляемся в библиотеку, которую открыли благодаря уважаемому Коту. Каждый день там проводим по несколько часов, если так можно выразиться применительно к нашим благословенным Крышам. Изучаем разные юридические документы, сочиняем прошения, составляем многочисленные справки...

Короткое прощание, полное добрых взаимных слов и фраз, и вот уже странная парочка затерялась в многообразии печных труб. Только громкое шарканье, вперемешку с размеренными и неторопливыми ударами молотка по шляпке забиваемого гвоздя...

– Все мы – лишь маленькие и неразумные дети, заблудившиеся в бескрайней пустыне, – глубокомысленно изрёк Кот, на этот раз умело прикуривая предложенную Ником сигарету. – Чёрная беспросветная ночь. Ни единого огонька вокруг. Небо покрыто плотными серыми тучами. Луна и звёзды? Забудьте.... А впереди – сплошные засады и горести...

Проснулся он от тупой головной боли и нестерпимой колючей жажды. Сел на диване, нащупал босыми ступнями ног старенькие шлёпанцы, медленно провёл ладонью по лицу, осторожно помотал головой.

Вокруг было очень тихо и тревожно. На подоконнике ласково и нежно подрагивали утренние солнечные лучи, а вот незнакомый мужской носок (серый в мелкую чёрную клеточку), зафиксированный им ночью – на границе сна и яви – куда-то исчез.

«Почему, интересно, я спал в столовой? А где же Марьяша?», – удивился Ник, крепко обхватывая-обнимая ладонями пузатый стеклянный кувшин, наполненный кипятком.

Он пил долго и жадно, давясь и обливаясь. Допил жидкость до последней капли и в этот момент вспомнил всё, что с ним произошло. Всё, до мельчайших деталей. Вспомнил, глухо застонал и, с трудом перебирая неверными ногами, устремился по витой лестнице на второй этаж, зовя жалобным и чуть дрожащим голом:

– Мария! Марьяна! Машенька! Матильда!

Жена – растрёпанная, сонная, милая – торопливо выбежала из спальни, упёрлась ему в грудь острыми кулачками и заявила, неодобрительно и строго посвёркивая серыми – как балтийская морская гладь – глазами:

– Зачем же ты так поступаешь, Николай? Пошёл за лекарством, а вернулся пьяным в стельку.... А, может, и не пьяным? Накурился какой-то гадости? А, скорее всего, и то, и другое?! От тебя так противно воняло, когда ты лез со своими слюнявыми поцелуями.... Как же так, Коля? Я его ждала, волновалась, нервничала...

– У меня опять случился приступ, – смущённо глядя в сторону и виновато вздыхая, сообщил Ник.

Он механическим голосом, словно бы читая старательно заученный текст, рассказал жене о вчерашних видениях и фантомах. О жестоком и безжалостном Фредди Крюгере, с которымпил благородный ямайский ром, оказавшийся на поверку обыкновенной яблочной бормотухой. Об убитой неизвестной старушке и двух выпотрошенных лохушках. О голодном вампире, замаскированном под доброго Деда Мороза, и о соседе Олеге Быстрове с его бельгийской овчаркой. О кроссовках, щедро испачканных в крови, о чужом мужском носке на подоконнике, и о двухметровом кенгуру с головой гигантской гусеницы...

– Боже ты мой! – сострадательно охнула впечатлительная Мария. – Бедный ты мой, бедный! За что же тебе такое? Ведь шесть лет всё было в полном порядке, а теперь вот... А как же знаменитые таблетки доктора Пал Палыча? Ты не забываешь их принимать?

– Регулярно и исправно глотаю, две штуки каждую неделю, строго по расписанию.

– Обязательно сегодня позвони ему и запишись на приём! Слышишь меня? Не забудешь? Обязательно!

– Я воль, мой генерал!

– Какой из меня генерал, – печально улыбнулась Марьяна. – Я же являюсь двухметровым кенгуру с непомерно мускулистыми задними лапами, кожаной сумкой на толстом пузе и головой гигантской гусеницы. Губы у меня узкие и чёрные, очень липкие и вязкие. А по всем подоконникам разбросаны клетчатые носки моих многочисленных любовников...

– Извини, милая, – в очередной раз смутился Ник. – Так мне показалось прошедшей ночью... Ну, ты же понимаешь. Приступ...

– Конечно, понимаю, – заверила жена и лукаво предложила, в очередной раз демонстрируя свой легкомысленный и весёлый нрав: – Хочешь, прямо сейчас пройдем в нашу спальню, и я тебе наглядно докажу, что не имею к кенгуру и гусеницам ни малейшего отношения? Хотя, если напрячь фантазию и вспомнить разные зарубежные фильмы с эротическим подтекстом...

Но воспользоваться спальней они не успели: где-то за кирпичным высоким забором, окружающим коттеджный посёлок, противно и надсадно завывала милицейская сирена.

– Милый, ты вчера точно никого не убивал? – потеранным голосом спросила Мария, тревожным движением запахивая халатик на высокой груди.

– Ни кого. Кажется, никого, – не очень-то и уверенно ответил Ник. – По крайней мере, будем искренне надеяться на это... Может, оденемся и приведём себя в порядок? Как говорится, чисто на всякий случай... Я срочно позвоню Ануфриеву, посоветуюсь. А ты, пожалуйста, если вдруг заявятся незваные гости в погонах, займи их вежливыми и ничего незначащими разговорами.

– По улице идёт охранник Виктор в сопровождении двух милиционеров, – дисциплинированно доложила Маришка, стоящая возле тяжёлой портьеры, и обеспокоено посоветовала: – Коленька, ты поторопись! Они, кажется, поворачивают именно к нашему дому...

Через три-четыре минуты в прихожей раздался длинный мелодичный звонок, и Матильда, уже облачённая в элегантный деловой костюм, с безупречным макияжем на лице, тщательно причёсанная, зацокала высокими каблуками-шпильками по деревянным ступеням витой лестницы.

«И когда она только успела?», – восхитился про себя Ник, методично нажимая на нужные кнопки мобильного телефона.

Иван Иванович выслушал историю о ночных похождениях подчинённого (исключая эпизод с гибридом кенгуру и гусеницы) очень внимательно и внешне совершенно спокойно, после чего пообещал помочь:

– Первым делом срочно выясни, к какому районному отделению приписаны милиционеры, их звания и фамилии. Попроси, чтобы Мария запомнила. Если тебя менты прихватят с

собой в ментовку, то пусть она мне тут же позвонит. Поможем, чем сможем... Ты, Николай Сергеевич, зря не нервничай и береги себя! – в голосе начальника послышалось беспокойство, странным образом переплетённое с откровенным довольством.

«Что же, всё предельно ясно!», – подумал Ник, прикасаясь пальцем к красной кнопке отбоя. – «С одной стороны, ему лишние заморочки и непонятки совсем ни к чему. А, с другой, Ануфриев откровенно рад, что я не утратил способности остро реагировать на опасные и внештатные ситуации. То есть, не растерял важных профессиональных навыков, из-за которых меня, собственно, и брали на работу...».

– Николай, спустись, пожалуйста! – позвал снизу далёкий голос жены. – Тут к тебе пришли посетители! Из милиции!

Подчёркнуто неторопливо спускаясь по лестнице, он услышал обрывок разговора:

– Вообще-то, у нас, в уголовном розыске, оперативные сотрудники предпочитают ходить на работу в штатской одежде, – смущённо объяснял молодой, чем-то взволнованный голос, – Но ходят упорные слухи, что проверяющие из Москвы рыщут поблизости. А этих господ лучше не раздражать и не злить, себе дороже...

На веранде неуклюже топтались два милиционера, посматривая с не наигранным смущением на стройные ножки Матильды, далеко не полностью скрытые короткой светло-бордовой юбкой. У моложавого мента на плечах красовались погоны старшего лейтенанта, а под мышкой располагалась скромная папка из искусственной кожи. Второй – уже в годах – по званию был сержантом, а на его правом плече – стволом вниз – висел-болтался короткий автомат с откидным прикладом. Охранник же, судя по всему, решил благоразумно вернуться на свой пост.

– Приветствую вас, господа! Присаживайтесь! – вежливо поздоровался Ник, указывая рукой на пластиковые садовые стулья, окружавшие такой же пластиковый стол. Вопросительно посмотрел на жену: – Маша, почему же ты не предложишь нашим гостям кофе?

– Одну минуту, милый! – проворковала Мария, демонстративно вертя в длинных пальцах светлый картонный прямоугольник.

«Молодец! Уже успела разжиться у наших гостей визиткой», – удовлетворённо отметил внутренний голос.

Старший лейтенант был – по внешним данным – ровесником Ника, но явно находился не в своей тарелке, как же: навороченный коттеджный городок, женщина с такими потрясающими ногами идёт ему за кофе... Поэтому Ник решил прийти служивому на помощь и спросил напрямик:

– Извините, вы, наверное, не просто так заглянули к нам? Случилось что-то важное и, э-э-э, неприятное?

– Вот именно! – обрадовался лейтенант. – Что вы можете сообщить нам по существу дела?

– Извините, какого дела?

– Ну, как же, кровавые следы ведут до самого вашего дома...

– Ах, следы! – облегчённо махнул Ник рукой. – Вчера ночью я ходил пешком в дежурную аптеку, у жены неожиданно разболелась голова. Нужно же, специальное лекарство осталось на работе, Мария Владимировна – аллергик. А я вечером выпил, знаете ли, немного виски, вот и не стал садиться за руль. Решил немного прогуляться, подышать свежим воздухом... Когда возвращался обратно, то случайно наступил в большую кровавую лужу. Возле автобусной остановки. Той, что под алюминиевым навесом. А испачканные кроссовки я выбросил в мусорный бачок. Они лежат на самом верху, можете убедиться. Вот, собственно, и всё.

– То есть, когда вы шли к аптеке, то лужи не было? – зачем-то уточнил старший лейтенант. – А когда возвращались, то она появилась?

– Получается, что так. Да, пожалуй, именно так всё и было...

– А не видели ли вы ещё чего-нибудь подозрительного, странного и необычного? Может, слышали?

– За строительным забором горел маленький костёр. Вонючий такой и очень дымный, – Ник задумчиво, изображая старательное копание в ячейках собственной памяти, наморщил лоб. – А со стороны старого кладбища доносились голоса. Только отдалённые, я ничего и не расслышал толком. Кажется, ругались, активно применяя матерные выражения, двое мужчин. Но точно утверждать этого я не могу, извините...

Появилась Мария – невообразимо прекрасная – с серебряным подносом в руках, расставила на столе три фарфоровых чашечки с дымящимся кофе и, мило улыбнувшись, протянула Нику упаковку с таблетками и трубку мобильного телефона:

– Милый, прими, пожалуйста, сразу две штуки. На всякий случай, для профилактики. А коробочку с лекарством положи в нагрудный карман рубашки. И телефон не забудь взять с собой.

– Мария Владимировна! – со стороны уличной дорожки раздался голос Витьки-охранника. – Вы, пожалуйста, не забудьте, что сегодня вечером в сторожке состоится общее собрание жителей нашего посёлка! Начальство велело всем напомнить...

– Спасибо! Мы придём! – прокричала в ответ Марьяна и, дежурно улыбнувшись гостям, походкой манекенщицы прошла в дом.

Он с благодарностью посмотрел вслед уходящей жене, достал из упаковки два светло-розовых кружляшка, проглотил, торопливо – в три приёма – запил горячим кофе с молоком.

– А в районе автобусной остановки вы, случайно, не встречались с человеком, разговаривающим на английском языке? – небрежно спросил старший лейтенант. – Возможно, с иностранцем?

В голове противно и глумливо защёлкало, но он уже и так понял, что надвигается нешуточная опасность.

– Нет, с иностранцами я прошлой ночью не встречался, – ответил Ник, болезненно прикрывая глаза ладонью. – Слышал, что вроде где-то вдали пели на английском языке. Подумал, что это работает автомобильная магнитола. То есть, что едет машина с приоткрытым окошком. Нынешняя молодёжь обожает так делать по ночам: откроют окошко, врубят приёмник на полную катушку и катят себе, красуясь перед окружающим их миром. Понтырки дешёвые...

– Да, это действие мне знакомо, – согласно хмыкнул дребезжащий старческий голосок. – Эти шальные и самовлюблённые юнцы нынче просто несносны. В наше-то время молодёжь умели воспитывать. Умели! По субботам – розги, вымоченные в соляном растворе, по будням – крепкие подзатыльники и акцентированные зуботычины.

Тяжело вздохнув, Ник отнял ладонь от лица, широко раскрыл глаза и с облегчением отметил про себя: – «Могло быть значительно хуже. Значительно! Похоже, что ещё повезло...».

На месте старшего лейтенанта теперь располагался самый настоящий Дон Кихот: вислоусый, взлохмаченный, седой, в стальных, местами помятых латах. Только вот на острие длинного копья, которое крепко сжимал в своих жилистых руках пожилой идалго, красовалась отрубленная человеческая голова, когда-то принадлежавшая молоденькой и симпатичной блондинке. Голова плотоядно тарасила на Ника огромные темно-синие глаза и злобно клацала белоснежными зубами.

Сержант же – совершенно логично и последовательно – превратился в Санчо Пансу: добродушного такого толстячка с бесконечно усталыми и мудрыми глазами. Лишь ожерелье, висевшее на его широкой груди, откровенно выбивалось из образа: большие и маленькие, розовые и бледные человеческие уши, густо покрытые капельками алой крови, были небрежно нанизаны на грубую волосяную верёвку.

– С нами поедешь, гнида подзаборная! – невежливо и враждебно заявил Санчо Панса. – Наденем на твою нежную аристократическую ножку классический «испанский сапожок³», посмотрим, что ты, милочка, тогда запоёшь! Иностранца он не видел, понимаешь! Ха-ха-ха! Вот же, здоров врать, душегубец бесстыжий...

– Хорошо, господа, поехали, – покладисто и невозмутимо согласился Ник и громко прокричал в сторону прихожей: – Маша, принеси мне, пожалуйста, тёмно-коричневую куртку!

Раздались звонкие шлепки босых ног, и на веранде появилась пышнотелая черноволосая барышня лет пятидесяти пяти – в костюме испанской цыганки Кармен, с большой кроваво-красной розой в разрезе сверх всякой меры откровенного декольте.

– Куда собрался-то, пропойца бессовестный? Нашёл себе новых друзей-собутыльников? – сварливо поинтересовалась толстуха и, заговорщицки подмигнув Дон Кихоту, доверительно сообщила: – Вы, благородные сеньоры, будьте с моим мужичком поосторожнее. Когда он трезвый, то и навозной мухи не обидит. А вот, когда в его длинный нос попадает хмельное, то сразу же превращается в самого натурального зверя: по малейшему поводу хватается за наваху⁴. Разного народа уже перерезал, и не сосчитать... Вчера, к примеру, старуху безобидную – полностью слепую и глухую – отправил на тот свет. Просто так, потехи ради... Напился мой благоверный – в компании со своим закадычным и сумасшедшим дружкой Фредди Крюгером – ямайского рома до поросячьего визга, да и отбыл из родимого дома на поиск сомнительных и кровавых приключений...

«Всё это очень и очень странно», – подумал Ник, уже не прислушиваясь к болтовне разговорчивой и скандальной Кармен. – «Очень уж похоже на заранее спланированную акцию. Знать бы ещё, кто ее, собственно, спланировал и зачем...».

Очнулся он от непростых раздумий, только получив лёгкий подзатыльник.

– Чего сидишь-то, увалень белобрысый? – недобро посвёркивая чёрными и злыми глазами-колодцами, спросила Кармен. – Сам же просил, чтобы я принесла твой новый камзол, купленный на осенней столичной ярмарке. Давай, ленивый оболтус, поднимайся, отрывай свой тощий зад от стула. Я, так и быть, помогу тебе облачиться... Одевайся и выметайся – вместе со своими новыми друзьями – на все четыре стороны!

Продевая руки в узкие рукава сальной и рваной куртки, которую противная толстуха почему-то именовала «камзолом», Ник – неожиданно для самого себя – поинтересовался:

– Сердечко моё алмазное! А не подскажешь ли – так, между делом – чей это мужской носок я намедни видел на подоконнике? Серый такой, в мелкую чёрную клеточку? Нет, ты, пожалуйста, не уходи от ответа, как вчера! Думаешь, отделаться дежурными смешками и шуточками? Нет, ты ответь, красотка! Не доводи до смертного греха! Забыла, что я – лучший в Испанском королевстве – боец на навахах? Напомнить?

Вокруг установилась вязкая и подозрительная тишина. В смысле, секунд на пять-шесть, не дольше... Потом Дон Кихот и Санчо Панса принялись громко и нагло хохотать, а Кармен, разразившись длинными ругательствами на незнакомом, очень мелодичном языке, скрылась в доме.

Громко хлопнула входная дверь, синеглазая голова некогда симпатичной блондинки, надетая на остриё копыа Дон Кихота, хриплым и развратным голосом недовольно спросила:

– Ну, чего сидим? Кого теперь ждём? Слышите, как кони нетерпеливо ржут за воротами замка? Зачем издеваться над бедными животными? Поехали уже, благородные господа!

– Поехали, – согласился Ник. – Я готов.

– Идите, ребята, я вас догоню через пару минут, – известил, хитро улыбнувшись, Санчо Панса. – Только окровавленные башмаки достану из мусорной ямы...

³ «Испанский сапог» – разновидность средневековых пыток.

⁴ Наваха – испанский нож с выкидным лезвием.

Они, молча, шли по узкой и кривой улочке какого-то средневекового европейского города. Булыжная мостовая, древние серые и бурые стены, покрытые широкими и узкими трещинами, квадратные и круглые окошки, крохотные балконы кованого металла.

На одном из балконов стоял вчерашний Дед Мороз и невозмутимо дымил массивной фарфоровой трубкой.

– Привет, кровавый брат! – громко и радостно прокричал Дед Мороз, без всякого зазрения совести демонстрируя окружающим длинные вампирские клыки. – Много вчера загубил невинных и нежных душ? Небось, кровушки литров пять-шесть выдул?

– Привет, друг! – откликнулся Ник, стараясь быть максимально осторожным и корректным. – У меня всё неплохо. Без видимых серьёзных проблем. Чего и тебе желаю.

– А беззащитную бабушку за что зарезал вчера? – не унимался замаскированный вампир. – И не стыдно тебе, живодёру дикому?

– И вам доброго здоровья, уважаемый соседюшка! Вечером, дай Бог, увидимся. Поговорим на всякие философские темы. Обсудим проблемы социальной несправедливости – во всём мире. Вскроем основные причины необузданной коррупции в нашей многострадальной России...

– Как же, увидимся. Как же, поговорим... Рассмешил, чудак, право! Вечером ты, упырь, мутант и законченный подлец, уже будешь приплясывать на раскалённых Адских Сковородках. И, поделом! Не будешь убивать всех подряд – направо и налево...

За поворотом обнаружилась просторная чёрная карета (натуральный музейный экспонат!), в которую были запряжены четыре голенастые лошади: светло-каурые и тёмно-гнедые – в редкий белый горох. Только вот, морды у лошадок были медвежьими, клыкастыми и страшно голодными.

– Отличные скакуны! Непревзойдённые! Резвые – до полной невозможности! Мигом домчат до моего поместья! – похвастался Дон Кихот. – Вот только, очень уж прожорливые, мать их так... Каждая за сутки съедает по упитанному годовалому телёнку. А от кошатины и собачатины отказываются, привереды хреновы...

Мимо чёрной кареты, заметно прихрамывая и опираясь на чёрный же посох, проходил седовласый и однозначно благообразный старичок в приличных тёмных одеждах.

Светло-каурая лошадка неуловимым движением приблизилась вплотную к неосторожному прохожему, медвежья светло-каурая голова, нагло подмигнув невольным зрителям, громко и многозначительно щёлкнула крупными, слегка желтоватыми клыками-зубами...

– А, будьте вы все прокляты! – бросив на землю посох и убегая прочь со скоростью ветра, возопил старичок.

Из обрывков правого рукава его сюртука бил, нещадно пачкая стены ближайших средневековых домов, самый натуральный фонтан красно-коричневой крови.

– Красно-коричневая, это потому, что кровь – ближе к старости – всегда заметно ржавеет, – невозмутимо пояснил Санчо Панса. – Это только в юности она имеет благородный, нежно-алый цвет...

Дон Кихот ласково и нежно потрепал по загривку светло-каурой медвежьей головы, которая уже успела прожевать и успешно проглотить отгрызенную стариковскую руку, и, непонятно вздохнув, доходчиво объяснил:

– Вообще-то, Ласточка, она очень ласковая и безумно добрая. Просто молодая ещё, чрезмерно шустрая. Любит иногда похулиганить, пошутить, повеселиться... Что, радость моя, проголодалась? Сейчас папочка тебя накормит! Сейчас-сейчас, подожди немного...

Седовласый идалго отошёл от шаловливой Ласточки в сторону – метра на два с половиной – и наклонил вниз копьё.

– Умираю безвинной и непорочной мученицей! – пафосно заявила голова некогда симпатичной блондинки и запела звонким фальцетом: – Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»! Пощады никто не желает...

Раздался громкий противный хруст и аппетитное чавканье...

В карете пахло хорошим трубочным табаком, неизвестной туалетной водой и почему-то – спелыми грецкими орехами.

– Вы не будите возражать, уважаемые и благодушные идадьго, если я немного подремлю? – вежливо спросил Ник. – Не выспался, знаете ли, за всеми этими ночными происшествиями и приключениями...

– Дрыхни, тварь, дрыхни, – язвительно хохотнул Санчо Панса. – Когда тебе ещё придётся поспать вволю? Наверное, уже только на городском кладбище. Инквизиция нынче не жалуется кровопийц и вампиров...

Ник благодарно кивнул головой, безвольно откинулся на мягкую бархатную спинку сиденья и, прикрыв глаза, погрузился в безрадостные размышления: – «Странно это всё. Странно, тревожно и исключительно непонятно.... Вчера вечером приключилось три припадка подряд. Достаточно сильных и неприятных припадка, причём, на протяжении часа с хвостиком. Плюс сом четвёртый, утренний, совершенно неожиданный.... Правда, в одной очень южной и крайне беспокойной стране и не такое ещё бывало – до десятка приступов в течение суток. Но там-то это было насквозь понятным и оправданным: серьёзная война, большая кровь, вооружённые моджахеды тут и там.... Здесь же войны нет. А что – есть? Что-то ведь, наверняка, есть! Чей-то злонамеренный заговор? Коварный план? Коварный план – против меня лично? Да кому, собственно, я нужен?! Полный и безнадежный бред! Обыкновенный цепной пёс – без особых возможностей и полномочий.... А, если рассуждать так: приступ возле старого кладбища – это одна тема, припадки в коттеджном посёлке – совершенно другая? Возле автобусной остановки было совершено, судя по случайно подслушанному разговору, тройное убийство. Я являлся потенциальным свидетелем, причём, возможно, единственным. Преступники же, как всем известно из многочисленных телевизионных сериалов, свидетелей своих преступлений терпеть не могут. Мало того, постоянно преследуют, заставляют молчать и, даже, иногда пытаются убить.... Вот, моя тонкая психика и отреагировала должным образом. Логично? Железобетонно, мать вашу! А вот почему галлюцинации так навалились – дружной стаей – в коттеджном посёлке? Может.... Может, что-то угрожает всему коттеджному городку в целом? Неизвестные террористы готовят взрыв? Просто намериваются швырнуть через высокий забор пару-тройку стеклянных банок, заполненных «коктейлем Молотова», после чего вспыхнет большой пожар? Вполне жизненная и правдоподобная версия, кто только не числится нашими с Машей соседями: бизнесмены средней руки, важные чиновники всех мастей, депутаты разных уровней и созывов, прочие скользкие и непрозрачные личности.... Так, это полностью меняет дело!».

Он втянул носом воздух: никаких тебе спелых грецких орехов и незнакомой туалетной воды – пахло болотной сыростью, дешёвыми сигаретами «Прима» и давно нестиранными мужскими носками.

«Похоже, что гадкий приступ миновал!», – радостно предположил Ник и открыл глаза.

Рядом с ним, поглядывая строго и неодобрительно, сидел пожилой сержант, от седых усов которого и исходил незабываемый аромат «Примы». Незабываемый потому, что за два года своей армейской службы Ник других табачных изделий и не видел. Полагалось – по тогдашнему воинскому уложению – каждому бойцу по четыре пачки «Примы» (сигарет овальных) на неделю. Независимо от того, курящий ты или нет.

Моложавый старший лейтенант располагался на переднем сиденье, рядом с белобрысым, совсем ещё молоденьким шофёром.

«Вот от этого пацана и воняет заскорузлыми носками», – подумалось не к месту. – «Мода такая у всех казённых водил – летом в машине напяливать на ноги домашние шлёпанцы».

– Старлей, останови-ка машину! – хрипло, с болезненным придыханием, попросил Ник. – Плохо мне...

Это было чистой правдой: как и всегда, когда заканчивался припадок, верхние и нижние конечности подрагивали мелкой дрожью, сердце бухало фабричным кузнечным молотом, противно подташнивало, а по лицу и спине обильно струился холодный пот.

– Василий, останови! – строго велел лейтенант. – Да не здесь, дуболом стоеросовый! Хотя бы метров сто пятьдесят проедь за автобусную остановку. Не будем экспертов и стажёров отвлекать от поисков. О, и машина шефа здесь! Ну-ну.... Тогда ещё накинь метров сто...

– Эк, оно вас прихватило! – посочувствовал седоусый сержант и непонятно посоветовал: – Никогда не надо пить яблочную бормотуху из картонных пакетов. Нет там никаких яблок, да и не было никогда. Только химия одна химическая, типа – фруктовые эссенции. Плюс – всякие стабилизаторы, ароматизаторы, наполнители, загустители и красители...

«Почему-то всех молоденьких белобрысых шоферов, сидящих за баранками служебных авто, зовут Васьками», – усмехнулся про себя Ник. – «И всё они почему-то обожают нажимать на педаль тормоза и газа сугубо подошвами домашних шлёпок...».

Машина (обычный, ничем неприметный милицейский УАЗик), остановился на пыльной обочине. Ник надавил на допотопную ручку, распахнул настежь заднюю дверцу и выбрался наружу.

Старший лейтенант тоже решил немного размять кости, ловко прыгнул на землю и сладко потянулся, слаженно захрустев молодыми суставами, сухожилиями и хрящиками.

– Я отойду ненадолго в сторону. По малой нужде, – то ли сообщил, то ли попросил Ник. – А ещё мне надо сделать пару коротких телефонных звонков. Жене и моему лечащему врачу.

– Да, пожалуйста, Николай Сергеевич! На здоровье! – широко и беззаботно улыбнулся лейтенант. – Идите, пишите, звоните. Хоть жене, хоть Папе Римскому, хоть американскому президенту Клинтону. Вы же пока не арестованы, следовательно, и в гражданских правах не поражены...

Ник отошёл метров на пятнадцать-двадцать от дороги и неожиданно наткнулся на старенькую кладбищенскую ограду. Прошагал ещё пару десятков метров вдоль неё и, крепко обняв за ствол толстую корявую берёзу, всласть поблевал.

Вместе со светло-коричневыми остатками утреннего кофе, на белый свет выскочили из организма и два светло-розовых шарика.

«Странно, – вяло и безразлично подумал Ник. – «Пал Палыч уверял, что таблетки растворяются почти мгновенно. За минуты полторы, максимум за две. А эти шарики уменьшились только – дай Бог – на одну четверть, хотя времени прошло с момента приёма уже минут двадцать пять, если не больше. Наметилась очередная нестыковка?».

Отойдя от берёзы, он достал из кармана куртки мобильный телефон, набрал нужный номер.

Длинные гудки, щелчок, тишина.

– Маша?

– Она самая, – неохотно ответил ледяной голос.

– Что с твоим голосом?

– А каким он должен быть? – вопросом на вопрос ответила жена. – После того, как ты при посторонних закатил мне такую жуткую сцену ревности? Минут пять выпрашивал про чужой мужской носок. При этих тупых и наглых ментах, которые старательно прикрывали ладошками

свои издевательские и сальные улыбочки. Улыбки-то они вежливо скрывали, но и на ноги мои стройные пялиться не забывали... Представляю, как красочно они потом будут описывать – сослуживцам и случайным подружкам – эту незабываемую театральную мизансцену. Доморощенный отечественный Отелло, душащий несчастную Дездемону незнакомым мужским носком, случайно обнаруженным на подоконнике...

– У меня был припадок. Естественно, с галлюцинациями.

– Ты не врешь?

– Ни капли! – горячо заверил Ник. – Лейтенант был печальным и усталым Дон Кихотом, с копьем, на котором была наколота говорящая человеческая голова. Сержант превратился в краснощёкого Санчо Пансу...

– А я? Опять прикинулась каким-нибудь страхолюдным мутантом?

– Ты была в образе цыганки Кармен. Только уже пожилой Кармен, лет так пятидесяти пяти от рождения.

– Вот спасибо, милый, уважил! – обиделась жена, но тут же смягчилась. – Хотя, это уже гораздо лучше, чем двухметровая гусеница-кенгуру. Кармен, в общем-то, героиня положительная... Ой, что я несу?! Как ты сейчас чувствуешь себя, Коленка? Голова не кружится? Где ты вообще находишься? В милиции?

– Нет, мы остановились по дороге. Во-первых, меня тошнило...

– Беденький!

– Во-вторых, мне надо было срочно позвонить тебе.

Он коротко и сжато рассказал жене о своих умозаключениях и подозрениях, в соответствии с которыми ей надлежало в срочном порядке покинуть коттеджный посёлок.

– Хорошо, дорогой, как скажешь, – покладисто согласилась Мария. – На работу я выезжаю только через полчаса, так что успею побросать в сумки твои и мои вещи. Самые необходимые, я имею в виду. Встретимся вечером у моей мамы. Она будет рада приютить нас на несколько дней... Не смей так мерзко хмыкать! Мне показалось? Ну-ну... Тебя ведь отпустят к вечеру? – спросила с плохо скрытой тревогой в голосе.

– Будем надеяться. Я – как выйду из милиции – тут же поймаю такси и поеду к доктору Пал Палычу. Всё ему расскажу, проконсультируюсь, попрошу совета. А уже от него отправлюсь к своей обожаемой тёще, а ты...

– Ой, совсем забыла! – перебила жена. – Вечером же состоится общее собрание жителей нашего посёлка. Охранник Виктор напоминал с утра... Может, я после работы вернусь в городок, схожу на собрание, послушаю, проголосую – за что попросят, а уже потом поеду к маме?

– И думать забудь! – разозлился Ник. – А если именно во время этого собрания и случится что-то страшное? Взрыв? Пожар? Очень даже логично получается: – «Глупые и наивные жертвы самостоятельно сбились в кучу. Где моя мощная граната?»... Скажешь, что я не прав?

– Наверное, прав. Может, тогда стоит предупредить и всех остальных жителей посёлка? Соседи, как-никак...

– Кто нам поверит, сама подумай? А вот насмешек придётся выслушать – несчётное количество. Кстати, ты позвонила Ануфриеву? Передала координаты ментов? Звания и фамилии?

– Обижаешь, начальник!

– Молодец, Маришка! – облегчённо вздохнул Ник. – Тогда собирай вещи и езжай на работу. Встретимся вечером, у любезной и бесконечно доброжелательной Аделаиды Макаровны... Шучу, не обижайся!

Попрощавшись с женой, он нажал на сброс и тут же набрал другой знакомый номер.

– Я вас слушаю! – томно и слегка манерно известил мобильник.

– Привет, Веруня! – непроизвольно улыбнулся Ник, узнав – по характерным ноткам-интонациям – голосок восемнадцатилетней внучки доктора Пал Палыча. – Дедуля-то дома?

– Здравствуйте, дорогой Николай Сергеевич! – в голосе послышались насмешливые и игривые нотки. – Давненько вы к нам не заезжали. Давненько! Я уже успела соскучиться. Вы так мило и бесподобно краснеете, когда я вам строю глазки...

– Вера, прекращай! – взмолился Ник. – Не до шуток мне сегодня. Позови, пожалуйста, Пал Палыча.

– А нет его! – радостно и бесшабашно сообщила девушка. – С утра был, да весь вышел...

– Куда это?

– А я знаю? Позвонил какой-то особо важный пациент. Дедуля тут же засуетился, засобирился, схватил свой заветный саквояж, да и шашть за порог.... А у подъезда его уже ждала машина. Чёрный «Мерседес»! Знать, пациент будет не из бедных. Да, дедуля тот ещё ухарь! Ему совсем скоро восемьдесят пять стукнет, а туда же.... Обожает денежку срубить по лёгкому. А мобильного телефона у него никогда и не было. Вы же знаете, что наш милейший старичок – ужасный консерватор, не признающий современных достижений цивилизации в областях коммуникаций, эстрады, поп-музыки и прочих невинных развлечений...

– Вера, хочешь, я тебе подарю бутылку сладкого итальянского шампанского, а к ней в придачу – большую плитку французского шоколада? – душевно и вкрадчиво спросил Ник, зная по собственному опыту, что внучка доктора имеет устойчивую склонность к длинным и скучнейшим телефонным монологам. – Самого чёрного и самого горького шоколада на свете?

– Конечно, хочу, – тут же притихла девушка. – Что я должна для этого сделать?

– Две простейшие вещи. Во-первых, передать уважаемому Пал Палычу, когда объявится, что я его ищу. Пусть позвонит мне. Вернее, пусть позвонит мне сразу же, срочно, обязательно и не откладывая.... Понимаешь? А, во-вторых, я сейчас отключусь, а ты на меня за это не будешь обижаться. Лады?

– Лады, гы-гы-гы, – замогильным голосом ответила трубка и разразилась короткими тревожными гудками.

– Что это было, дорогие товарищи? – неуверенно спросил Ник у окружающего пространства. – Верочка так изысканно пошутила? Или утранный припадок напоминает о себе?

Окружающее пространство тупо и равнодушно промолчало в ответ.

– Николай Сергеевич! – раздалось со стороны дороги. – Вы там, часом, не уснули? Может, помочь чем?

– Уже иду! Через минуту! – громко ответил Ник, и тихонько пробормотал себе под нос: – Спать-то как хочется, чтоб его...

Старший лейтенант, прислоняясь тощим задом к пыльному капоту УАЗика, встретил его вежливой улыбкой, и, непринуждённо махнув рукой в сторону, спросил – как бы между делом:

– Никого из старых знакомых не встретили возле кладбища? Вон, кстати, и автобусная остановка, где вы вчера свои фирменные кроссовки запачкали так неосторожно.... Так как по поводу приятной и неожиданной встречи?

– Нет, не довелось, извините, – хмуро пожал плечами Ник, непроизвольно оглядываясь в сторону алюминиевого навеса, рядом с которым было припарковано несколько автомобилей. – А на кладбище вообще никого нет, полное и бесповоротное безлюдье. Только покойники лежат за оградой. Тихонечко так, сугубо молча...

– Вот-вот! – подхватил сержант, выходя из-за машины. – Именно там, за кладбищенской оградой оно и лежало. В смысле, мёртвое тело. Молчаливое такое и бездыханное.

– Одно тело? – глупо спросил Ник.

– А сколько, по-вашему, их должно быть? – насторожился сержант.

– Да нет, это я так просто.... То есть, совсем не в курсе....

– Как это – «совсем не в курсе»? – искренне возмутился лейтенант. – Мы же вам, гражданин Нестеров, подробно объяснили: про убитую старуху, про двух идиотов на стареньких «Жигулях», задержанных на посту ГАИ с полным багажником парной говядины, про их путанные, неоднозначные и бредовые показания....

«Так, надо срочно выпутываться!», – внутренне напрягся Ник. – «Дон Кихот и Санчо Панса говорили одно, а лейтенант с сержантом – в это же самое время – совершенно другое....».

Он коротко откашлялся, недоумённо покрутил головой, и смущённо забубнил:

– Понимаете, мужики, мне сейчас не до того.... Какие убитые старухи, старенькие «Жигули» и парная говядина? Вы ноги моей жены видели? Вот то-то же! А тут чужой мужской носок валяется на подоконнике.... Понимаете? Вот я вас слушал, слушал, головой кивал, а сам – только об одном и думал. Догадываетесь, наверное, о чём конкретно? Так что, извините! Не слышал я ничего – из того, что вы мне рассказывали. Ни единого словечка! Повторите ещё раз, пожалуйста, если вам не трудно. И не подумайте, что это я так неуклюже шучу....

После минутного молчания первым высказался сержант:

– Что ж, дело насквозь понятное и знакомое. Ревность, она всегда приходит внезапно, без предупреждения, все мозговые извилины заполняя собой. Тем более что спор про этот подозрительный носок мы, действительно, слышали.... Повторим, Лёня?

– Повторим! – понимающе усмехнулся старший лейтенант, и пояснил для Ника: – Ты, братец, не смотри, что на Агафоныче обыкновенные сержантские погоны. Он у нас раньше работал старшим следователем прокуратуры. Причём, в самой Москве белокаменной, что характерно. А потом всякие и разные вороватые гады – примерно полтора года тому назад – вышибли его оттуда. И из прокуратуры, и из Москвы. С такой тухлой и скорбной характеристикой.... С волчьим билетом, короче говоря.

– А мне без родимых органов никак нельзя, – робко и печально улыбнулся Агафоныч. – Я ведь, если честно, больше ничего не умею. Вот и «сержантю», пока возраст позволяет.... Ну что, поехали? По дороге, Николай Сергеевич, мы тебе всё и объясним – по второму кругу. Ехать нам до отделения минут пятнадцать-двадцать, как раз и уложимся.

Они уселись на прежние места, машина, надсадно и недовольно рыкнув, тронулась, и лейтенант Лёня приступил к рассказу:

– Итак, вчера ночью на посту ГАИ, в пятнадцати километрах отсюда, но в другую сторону, тамошние сотрудники остановили раздолбанные «Жигули». С чего, вдруг, остановили? Да, наверное, просто от серой скуки, чтобы скоротать время службы.... Смотрят, а у двоих сидящих в салоне мужичков на одежде имеются кровавые пятна. Понятное дело, вытащили обоих деятелей из салона, проверили документы, тщательно обыскали на предмет наличия оружия. Всё вроде в порядке. Тогда осмотрели салон автомобиля и багажник. На заднем сиденье обнаружили полиэтиленовые мешки с парной говядиной, да и багажник был забит – под самую завязку – аналогичным продуктом. Тогда гаишники потребовали у подозрительных мужиков сопровождающие документы: всякие там накладные, путевые листы, ветеринарные и гигиенические сертификаты.... Нет ничего! Тут один тамошний шустрый сержант – деревенский по происхождению – высмотрел на коровьей шкуре клеймо – «Фермерское пригородное хозяйство Пыжова А.А.». А это уже наша территория. Казус такой: вроде бы, фермерское хозяйство, а по всем документам входит в состав города.... Давай, Агафоныч, принимай эстафету!

– Доставили тех вшивых и подозрительных мясозаготовителей к нам, – с видимым удовольствием подхватил нить повествования седоусый экс следователь. – Допросили по уму, с применением психологического давления, они и раскололись. Вернее, выдвинули одну, весьма экзотическую версию.... Мол, ехали они по дороге, никого не трогали. К другу своему ехали, который живёт где-то на северо-западе области. Тут одному из них приспичило по малой нужде. Остановились они около автобусной остановки, глядь, а под кустиком лежат две све-

жезарезанные тёлки. То бишь, молодые упитанные коровы. А вокруг – ни души... Посовещались тогда наши хозяйственные индивидуумы и решили, мол, не пропадать же добру. Машину по просеке отогнали в сторону от дороги. Потом оттащили туши животных к кладбищенской ограде. Метрах в ста пятидесяти от того места, где мы недавно останавливались. В багажнике «Жигулёнка – совершенно случайно, понятное дело – заваялся острый топорик. Один из мужичков – в прошлом (до отсидки на зоне) мясник – занялся разделкой. Второй же пошёл на дорогу: понаблюдать и послушать – всё ли спокойно вокруг. С собой прихватил – по его собственным словам – початый литровый пакет с дешёвым алкогольным пойлом... Вдруг, слышит, что под алюминиевым навесом автобусной остановки кто-то громко разговаривает на английском языке. Подошёл, а там какой-то мутный иностранец: болтает сам с собой, руками размахивает во все стороны, глупо хихикает. То ли обкуренный до полной невозможности, то ли психически-ненормальный. В смысле, сумасшедший... Этот второй – тот ещё пассажир, неоднократно судимый, битый-тёртый, клёванный-переклёванный..., короче говоря, совсем не робкого десятка – подошёл к иностранцу. Утверждает, что, мол, полноценного общения не получилось. Почему – не получилось? Обкуренный иностранец по-русски не знал ни единого слова. А наш любитель халявной говядины, соответственно, по-ихнему... Но приветственными жестами обменялись и, мол, даже выпили яблочной бормотухи за вечную дружбу народов, после чего распрощались душевно, довольные друг другом. Ну, и ещё всякого задержанные рассказывают – три короба разного горячего бреда... Сейчас около места убийства кладбищенской нищенки работают опытные эксперты, к которым приданы – в качестве усиления – стажёры милицейской школы. Да и наш непосредственный начальник, подполковник Старко Сергей Андреевич, там же. Руководит и надзирает, как и полагается начальству... Вот такая душевная история, гражданин Нестеров. Как она вам?

– Очень странная история, – дипломатично и расплывчато ответил Ник, а про себя подумал: – «Похоже, что краткий период обращения на «ты» завершился, едва начавшись. Хвалёная мужская солидарность сработала на короткий период, но не более того...».

Через минуту-другую он задал очередной, вполне даже логичный вопрос:

– Извините, старший лейтенант, но зачем мы следуем в ваше районное отделение?

– Как это зачем? – непритворно удивился тот. – А кровавые следы? Надо же взять с вас подробные и внятные объяснения, всё оформить, как полагается, запротоколировать, сдать кроссовки на экспертизу...

– Кроссовки – на экспертизу?

– На предмет определения природы крови, – важно и обстоятельно пояснил седоусый сержант. – В том плане, чья она. Коровья? Человеческая?

Ник успокоился. Во-первых, он был на сто пятьдесят процентов уверен, что кровь окажется коровьей. А, во-вторых, галлюцинации отсутствовали. Следовательно, ничего опасного – лично для него – не намечалось.

Он, вспомнив, что две утренние таблетки пропали даром, торопливо достал из нагрудного кармана блестящую упаковку, извлёк из пластикового гнезда очередной светло-розовый шарик, положил в рот и, не разжёвывая, проглотил.

Районное отделение – и снаружи и внутри – полностью соответствовало антуражу знаменитого телевизионного сериала «Улицы разбитых фонарей».

«Может, данный сериал тут и снимали?», – предположил Ник, героически борясь с подступающим сном.

Нудная и усыпляющая бумажная волокита заняла часа полтора. После её завершения Ник, широко зевая, достал из кармана куртки мобильный телефон и поинтересовался:

– Старлей, я уже могу вызывать такси?

– Такси? – зачем-то переспросил лейтенант Лёня. – Можно, конечно, и такси. Почему бы и нет? Тем более что лабораторным путём уже установлено: кровь на ваших кроссовках однозначно принадлежит тёлке, то бишь, молодой корове... Но только потом, после проведения завершающего следственного мероприятия. Как говорится, закроем последнюю дурацкую версию и окончательно зачислим вас, дорогой Николай Сергеевич Нестеров, в разряд второстепенных свидетелей, – обернулся в сторону обшарпанной двери и весело scomандовал: – Агафоныч, заводи клоунов из бродячего цирка-шапито!

Зашедшая в кабинет парочка, за которой маячила невозмутимая физиономия пожилого сержанта, была приметно-комична: низенький и неуклюжий толстячок с бесконечно печальными, тёмно-кариыми восточными глазами был надёжно соединён наручниками с высоким и худым обладателем вислых запорожских усов.

«Опять эта нездоровая и надоедливая ассоциация: Дон Кихот – Санча Панса!», – автоматически отметил Ник. – «Только, в этом случае, ярко-выраженным лидером, безусловно, является Санча...».

Подтверждая это его смелое предположение, неуклюжий толстяк заблажил звучным – смутно-знакомым баритоном:

– Начальник, это он и есть! Точно – он! Любимый коренной зуб даю! Даже, два! Тот самый свихнувшийся иностранец, с которым я пил портвейн на автобусной остановке. Именно он потом и зарезал безвинную бабушку-старушку... Ненавижу скользкого гада! – картинно замахнулся в сторону Ника пудовым волосатым кулаком.

– Отставить, задержанный Оганесян! – грозно рявкнул старший лейтенант и, уже официально-холодным голосом, уточнил. – Вы готовы подтвердить свои показания в письменном виде?

– Конечно же, начальник! Беспременно, со всем нашим пылом и великим удовольствием...

– А вы, задержанный Петренко?

– Так оно всё и было, – равнодушно и заторможено ответил вислоусый тип дребезжащим, смутно знакомым фальцетом. – Мы как раз мешки с говядиной укладывали в багажник машины. А тут – невдалеке – кто-то завопил придушенно и жалобно. Ну, как тот кот-ворюга, когда его поймали с поличным и шею сворачивают на сторону... Мы тихонько-тихонько двинулись туда, на вопли, то есть. Любопытно стало – что да как. А там это иностранное чужеродное старушку режет. Очень большим ножиком. В полнолуние всё хорошо видно, доходчиво... Потом стало боязно. Все же знают, что с сумасшедшими лучше не связываться. Покусуют, зарежут, расчленят, а им за это ничего и не будет. Так, только отправят на излечение в психушку, не более. А ещё через два-три годика отпустят обратно, на волю вольную. Те выпущенные, не долеченные до конца психи дождутся первого безоблачного полнолуния, и давай по новой – кусаться, резать и расчленять всех подряд, не ведая жалости...

– Петренко, говорите сугубо по делу! Что было дальше?

– А дальше мы осторожно, чтобы ветка случайно не хрустнула под ногой, отступили к машине. Сели в неё, закрылись, дрожа от страха, завели мотор, да и рванули – на полной скорости... Почему этот кровавый упырь у вас, начальник, разгуливает без наручников? Бросится ещё, не дай Бог! Покусает, зарежет, расчленит...

Когда сержант вывел задержанных из кабинета, Ник, не дожидаясь вопросов лейтенанта, объявил:

– Я никогда не видел этих несимпатичных и насквозь лживых граждан. И ни с какими иностранцами не встречался прошлой ночью. Да и пожилую женщину не резал большим ножиком. Готов подтвердить свои слова на детекторе лжи. Более того, категорически настаиваю на этом! А показания двух этих, как вы сами недавно выразились, клоунов из бродячего цирка-шапито, не стоят и выеденного яйца...

– На чём вы, извините, настаиваете?

– На детекторе лжи!

– Ну, батенька, это вы загнули! – смешливо прыснул старший лейтенант. – Откуда, спрашивается, у нас – детектор лжи? Вы посмотрите на эти некрашенные стены и на облезлую мебель.... А вот необходимые причиндалы для снятия отпечатков пальцев, как раз, имеются.

– Зачем вам мои отпечатки? Они имеют какое-то отношение к вчерашнему убийству? Так ведь бабушку, вроде, и не душили...., – непонимающе усмехнулся Ник.

– Кто знает, кто знает.... Может, да. Может, и нет.... Только вот, имеет место быть одна заковыка. На картонном пакете из-под яблочного вина, найденном на автобусной остановке, имеются чёткие отпечатки пальцев двух людей. Один из них – задержанный Оганесян. А вот кто, интересно, второй? Вдруг, этого второго зовут – Нестеров Николай Сергеевич? Что скажете на это, уважаемый гражданин Нестеров?

– Если даже и так, то это абсолютно ничего не меняет, – Ник нервно и презрительно передёрнул плечами. – Распитие спиртных напитков на автобусной остановке? То есть, в общественном месте? Всего лишь мелкое административное нарушение, сопровождаемое копеечным штрафом.... Какое это имеет отношение к убийству? Никакого, ясен пень...

– Не скажите, милейший Николай Сергеевич! Не скажите.... Сегодня улика – всего лишь косвенная, а завтра, глядишь, уже прямая.... Опять же, вы – этими отпечатками – будете однозначно уличены во лжи. А если данное дело будет рассматривать суд присяжных? Тогда именно субъективные факторы могут выйти на первое место – со всеми вытекающими последствиями.

Ник почувствовал, что засыпает. Причём, засыпает – без единого шанса на достойное сопротивление. Сон, словно густой осенний туман, плотно и планомерно опутывал его беззащитное сознание, превращая в беспомощное огородное растение....

«Превращаясь в обычный топинамбур⁵», – любезно подсказал всесторонне развитый внутренний голос.

– Лёня, не подскажите, где тут у вас можно немного поспать? – с трудом выдавил из себя Ник, устало прикрывая глаза. – Сморило меня что-то.... Наверное, перенервничал, переволновался. Одно к другому. Незнакомый мужской носок на подоконнике, теперь вот подлые и сумасбродные наветы. Мол, хобби у меня такое – по ночам убивать немощных старушек, превращаясь иностранцем....

– Поможем, Николай Сергеевич, не сомневайтесь, – долетел откуда-то издали уверенный голос старшего лейтенанта. – Сейчас вас ребята проводят в отдельную камеру, там коечка имеется – с мягким матрасом, простышкой и подушкой.... Агафоныч! Курточку обязательно снимите с клиента, чтобы, не дай Бог, не помялась. Ботинки стащите с ног, чтобы лишней раз не пачкать простыню....

Сон был каким-то вязким и медленным, наполненным приятной лёгкой истомой и ненавязчивыми успокаивающими картинками: зелёные поля, заполненные летним разнотравьем, чёрно-белые стрижи, мелькающие над берегом широкой и ленивой реки, абсолютно голая Мария, грациозно заходящая в светло-голубую речную воду....

– Так, помощнички фиговы! На всякий случай крепко держите руки и ноги, – донёсся сквозь сон властный и строгий женский голос. – Кузнецов, закатай-ка ему рукав рубашки на левой руке. Хватит, и так сойдёт! Кубика два, наверное, будет вполне достаточно. Вечером, если что, добавим....

Ник, почувствовав лёгкую боль от укола, напрягся, но уже через секунду расслабился, чувствуя, как по всему телу побежала приятная, мягкая и бесконечно тёплая волна.... Ещё мгновение, и он опять оказался на Заброшенных Крышах.

⁵ Топинамбур – огородное растение, родственное картофелю.

– Все мы – лишь маленькие и неразумные дети, заблудившиеся в бескрайней пустыне, – глубокомысленно изрёк Кот, на этот раз умело прикуривая предложенную Ником сигарету. – Чёрная беспросветная ночь. Ни единого огонька вокруг. Небо покрыто плотными серыми тучами. Луна и звёзды? Забудьте.... А впереди – сплошные засады и горести...

Ник тоже закурил, машинально отметив про себя, что количество сигарет в пачке не уменьшается.

«Видимо, очередной местный фокус какой-то», – подумал он и через полминуты небрежно поинтересовался:

– Кстати, Маркиз, друг мой, вы за этими дружескими посиделками о некой загадочной особе – по имени Анхелина Томпсон – не забыли? Думаю, что от отведённых уважаемым Ангелом трёх с половиной часов мало, что и осталось, минут сорок-пятьдесят, не больше.

Кот даже на месте подскочил – на добрые полметра.

– Как же это я так сплеховал? – забормотал извинительно. – Всё этот речистый Айвенго! Как начнёт травить бесконечные байки о своих легендарных подвигах, да баллады героические распевать, так и забываешь напрочь о делах насущных, в транс впадаешь – что тот глухарь по ранней весне. Как же, читали об этих экзотических птичках.... А сейчас, друг Ник, давай-ка я заскочу тебе на плечо – для ускорения и удобства предстоящего путешествия. Да и двинем, благословясь. Конверт с этим Небесным Посланием спрячь в карман, а по дороге я тебе всё об этом деле и расскажу подробно, заслушаешься...

Удобно устроившись на плече у приятеля, Кот скомандовал:

– Видишь вон там, на норд-осте, серую длинную трубу? Вот и чеши смело в том направлении! То бишь, прямо на неё, на серенькую. Она здесь одна такая.... Бог даст, не промажем!

Глядя то себе под ноги, то, сверяя правильность курса, на серую трубу, Ник упруго зашагал по Зброшенным Крышам. Буро-красная старинная черепица, металлические гладкие листы, нестерпимо блестящие в лучах двух половинных солнц, серый рубероид, покрытый узорчатыми трещинами, снова черепица – на этот раз – красная, новёхонькая...

– Теперь можно и рассказ начать, – тихонько, по-домашнему уютно замурлыкал над его ухом Кот. – Значится, дело было так...

Эта история произошла лет сто тому назад, а, может, и все сто пятьдесят. Карибия тогда только-только обрела независимость. Стояла, жила-поживала на берегу тропического, лазурно-изумрудного моря большая деревушка. А, может, просто маленький посёлок, дававший приют разным тёмным личностям и авантюристам всех мастей – пиратам, золотоискателям, охотникам за старинными кладами, закоренелым преступникам, скрывающимся от правосудия стран Большого Мира. Белые, вест-индийские негры, метисы, мулаты, дикие индейцы, всякие – в буро-малиновую крапинку.... Та ещё публика, живущая весело, разгульно и беспутно. А какое настоящее беспутство может, собственно говоря, быть, если женщин в деревушке практически и не было – так, несколько индианок, да толстая старая афроамериканка донья Розита, владелица трактира «*La Golondrina blanca*⁶»?

И вот, представь себе, в католической Миссии, что располагалась рядышком с этим посёлком авантюристов, появляется девушка-американка необыкновенной красоты – высокая, стройная, фигуристая, молоденькая. Ухаживает в Миссии за больными и калеками, детишек индейских обучает английскому языку и математике, а в деревне появляется только по крайней необходимости – купить в местной галантерейной лавке ниток-иголок, да наведаться на почту.

⁶ Перевод с испанского языка – «белая ласточка».

Звали её – Анхелина Томпсон. И была она такая хрупкая, грустная и печальная, что, глядя на неё, даже у злобных и вечно голодных бродячих собак на глазах наворачивались крупные слёзы сочувствия. Ходили упорные слухи, что жених Анхелины трагически погиб где-то на северных золотоносных приисках, вот она от безысходной тоски и уехала служить Господу в далёкую католическую Миссию.

Но разве это могло остановить местных головорезов, истосковавшихся по женскому обществу? Стали они все оказывать мисс Томпсон различные знаки особого внимания – тропические цветы дарить охапками, через посыльных мальчишек-индейцев предлагать крупные золотые самородки. Но только не принимала она тех подарков и цветов, всё с посыльными возвращала обратно. Лопнуло тогда терпение у карибских бродяг. И однажды, уже под вечер, дружной толпой человек в шестьдесят-семьдесят пожаловали они к недотроге в гости.

Жила мисс Анхелина в скромной глинобитной хижине рядом с Миссией, и выращивала на крохотной клумбе жёлтые розы, неизвестные тогда в Карибии. Видимо, привезла с собой из Американских Штатов черенки. Вернее, роза была всего одна, остальные не прижились и со временем завяли.

Выдвинули пришедшие бандерлоги девушке недвусмысленный и жёсткий ультиматум: мол, либо она сама незамедлительно укажет на своего избранника, то есть, на мужчину, с которым согласна разделить брачное ложе, либо всё решит честный и непредвзятый жребий. Так ли, иначе, но свадьбе к заходу солнца быть!

Грустно и печально улыбнулась тогда Анхелина, и спокойно, не моргнув глазом, ответила, мол: – «Я, конечно, уступаю грубому насилию. А суженого выберу сама: сейчас срежу жёлтую розу и вручу её своему принцу...».

Радостно заволновались женихи, восторженно завопили – в предвкушении незабываемого свадебного спектакля.

А девушка взяла у ближайшего к ней примата острый кинжал, осторожно срезала единственную жёлтую розу, тщательно удалила все острые шипы с её стебля, и аккуратно воткнула – розу себе в причёску, кинжал – себе в сердце...

– Тут эту занимательную и, безусловно, поучительную историю заморозили на неопределённое время, – неожиданно прервал повествование Кот. – И оказалась наша прекрасная мисс Томпсон – в ту же самую секунду – прямо на Заброшенных Крышах. Цела и невредима, понятный хвост! Долго её судьбу решали тутошние Умники. Очень долго... Решили, видимо. Не иначе, в конверте, принесённом Бородачом, и содержится данное судьбоносное решение.

– Как мне помнится, Маркиз, ты тогда возмущался нешуточно, мол: – «Сами, видите ли, не могут! Тоже мне, выискались трепетные неженки...». А, действительно, почему Дежурный Ангел самолично не вручил конверт мисс Анхелине? – Ник всегда любил порядок во всём, и вообще, уважал стройные логические построения, дающие ответы на самые заковыристые вопросы.

Кот, ловко почесав задней лапой свою «щёку», охотно пояснил:

– Они завсегда чувствуют – кто перед Ними. Помнишь, как этот крылатый Бородач с нами высокомерно разговаривал и презрительно тыкал? Это потому, что он точно знал: мы с тобой обыкновенные олухи и разгильдяи, вышедшие – без всяких конкретных целей и задач – погулять по Заброшенным Крышам. Чего с такими незначительными и никчемными персонами особо церемониться? А, вот, перед мисс Анхелиной теряется их высокородная Братия. Видимо, чувствуют, Умники Небесные, что она совсем другого полёта птица, и им совсем не ровня. В смысле, очень Высокого Полёта... Извини, но не смогу объяснить лучше... Кстати, вот и нужная труба. Всё, делаем привал!

– Привал, так привал, – Ник присел на корточки и помог своему усатому товарищу спуститься на «землю».

Упруго выгнул спину, Кот устало зевнул и, осторожно выглянув из-за серой трубы, сообщил:

– Ага, практически пришли, метров девяносто-сто всего-то и осталось. Вот, полюбуйся-ка на сказочную картинку.

Ник пристроился рядом. Действительно, открывшийся взору пейзаж был необычайно красив и эстетичен: аккуратная разноцветная палатка, а вокруг неё – сотни, а быть может, тысячи, разномастных кадок, вазонов, горшков и горшочков, заполненных великолепными жёлтыми розами. Легкий ветерок ненавязчиво и игриво принёс воистину неземные ароматы, несколько вздохов – и голова закружилась, закружилась...

Вокруг горшков и кадок ловко перемещалась высокая, очень стройная девушка с большой жестяной лейкой в руке, напевая что-то светлое и мелодичное, зовущее и завораживающее одновременно.

– Почему же мы остановились? – взволнованным шёпотом спросил Ник, не отрывая взгляда от необычной девушки. – Давай выйдем, а? Нам же надо торопиться, как Ангел велел...

– Успеем ещё! – легкомысленно отозвался Кот. – Давай-ка конверт. Ознакомимся, для начала, с его содержимым. Давай, давай! А то ведь так и не узнаем, что произошло на самом деле. Только и останется, что верить всяким сказкам и легендам.... А тут, как никак, первоисточник!

Кот непринуждённо вскрыл конверт, достал из него несколько тонких листов светло-розовой бумаги и погрузился в чтение. Ник покорно и терпеливо ждал, уже зная наверняка, что всякого рода понукания его новый дружок – абсолютно и однозначно – терпеть не может.

– Однако! – Кот неуловимым движением достал откуда-то из воздуха самые настоящие очки, ловко водрузил их на свою пушистую мордочку и с удвоенным вниманием принялся изучать Небесный документ.

Ник непонимающе помотал головой: – «То раскладные стулья появляются «из неоткуда», теперь вот – очки. Непрост этот кот – по имени Маркиз. Ох, непрост, бродяга усатый! Если он, конечно же, и на самом деле тот, за кого выдаёт себя ...».

– Забавно и неординарно! – Кот, явно, был чем-то удивлён, причём, судя по внешним признакам, удивлён приятно. – Дай-ка, Николай, ещё одну сигаретку. Для ускорения умственного процесса, так сказать.

Прикурив, Кот со вкусом затянулся и продолжил:

– Представляешь, оказывается, что и нашим Умникам Небесным – ничто человеческое не чуждо! Выясняется, что иногда и Они отваживаются на решения, полные слюнявого гуманизма и истинной справедливости....

Анхелина Томсон – самоубийца, как не крути. Грешница страшная, в Аду ей гореть вечно.... А вот, на тебе, причислили к лику Святых! Ну, надо же! Невероятно и невозможно! Но в Небесном Документе всё чётко прописано. Без всяких разночтений и лицемерных двоякостей. Послушай – с того места, где я давеча остановился....

...А девушка взяла у ближайшего к ней примата острый кинжал, осторожно срезала единственную жёлтую розу, тщательно удалила все острые шипы с её стебля, и аккуратно воткнула – розу себе в причёску, кинжал – себе в сердце. И упала бездыханной...

Долго стояли бандерлоги над мёртвым девичьим телом, стояли и скорбно молчали. Потом похоронили девушку, а над её могилой поставили каменную часовню. Городок же нарекли – Сан-Анхелино. И стали все и повсюду – с искренним пылом и рвением – выращивать жёлтые розы.

А ещё через некоторое время, как-то сам собой, родился один милый и симпатичный обычай: когда мужчина хочет предложить девушке или женщине руку и сердце, то он ей дарит

жёлтую розу. Если она согласна, то цветок принимает и бережно пристраивает в свою причёску. Вот здесь всё только и начинается...

Видимо, дух невинно убиенной Анхелины Томпсон так и не нашёл покоя, всё бродит по городку и его окрестностям, да и вмешивается, ни у кого не спрашивая на то разрешения, в дела любовные. Когда, например, мужчина неискренен, или намерения имеет нечестные и сугубо меркантильные, то тут же раздаётся негромкий хлопок, и виновник впадает в самый натуральный летаргический сон. Нет, не навсегда, каждый раз по-разному, видимо, в зависимости от степени нечестности. Кто-то десять минут спит, а кто-то полтора месяца.

Ну, и с женщинами и девушками, которые принимают цветок без должных на то оснований, то есть, без настоящей и искренней любви, происходит то же самое... Бывает, правда достаточно редко, что засыпают оба, и жених, и его потенциальная невеста. Одна брачующаяся пара полгода проспала. Потом несостоявшиеся супруги почти одновременно – с разницей в три часа – проснулись, встретились, поглядели друг другу в глаза, рассмеялись по-доброму и стали закадычными друзьями.

А ещё иногда происходит следующий природный казус: девушка втыкает в свои волосы жёлтую розу, принесённую кавалером-ухажёром, а над Сан-Анхелино неожиданно загорается-вспыхивает яркая, многоцветная радуга. Это означает – по уверению знающих людей – что всё хорошо, и Святая Анхелина благословляет этот конкретный брак...

– Красивая история! – Ник не знал, что ещё и сказать.

– Требуется слегка уточнить, – не согласился его полосатый и дотошный напарник. – Получилась – очень красивая История... Эй, там, Наверху! Приём-приём! – громко закричал Кот. – Спасибо Вам, на этот раз! Нормально придумали, молодцы!

– И думали совсем недолго, всего-то лет сто пятьдесят, – чуть слышно, себе под нос, пробормотал Ник, лукаво подмигивая Коту.

– Не стоит благодарностей! – равнодушно пророкотало с Небес. – Исполняйте порученное!

Девушка сама шла им навстречу. Тоненькое породистое лицо, белокурые волнистые волосы, наполовину скрытые капюшоном тёмно-синего плаща, и глаза – голубые, огромные, печальные. До чего же огромные, Боги мои! До чего же – печальные...

– Здравствуйте, Кот! Приветствую вас, благородный Ник! – будто морской прибой прошелестел мелкой галькой о прибрежный песок. – Вы мне принесли вести от Них? Давайте же скорей! Давайте! Я любое решение приму с искренней радостью и полной покорностью...

Анхелина взяла протянутые бумаги, пробежала по ним взглядом, перечитала несколько раз и подняла глаза на пришедших. До чего же огромные глаза, Боги мои! До чего же – счастливые...

– Прощайте, Кот! Прощайте, благородный Ник! – прошелестел морской прибой мелкой галькой о прибрежный песок. – Я готова, Господи! Пусть всё состоится! Пусть! Только о розах моих, пожалуйста, позаботьтесь...

Мгновенье, и прекрасная Анхелина Томпсон исчезла, растворившись в Небытие...

– Вот так-то оно, добрый мой Ник..., – печально и мудро вздохнул Кот. – Вот ещё, не успел тебе сказать. На могиле Святой Анхелины, в просторной часовне, поставили белоснежный камень, а на нём – выбили такое простенькое стихотворение:

Жёлтое солнце в её волосах.
Утро над быстрой рекой.
И о безумных и радостных снах

Ветер поёт молодой.
Жёлтое солнце в её волосах.
Жаркий полуденный зной.
И о мечтах, что сгорели в кострах,
Ворон кричит надо мной.
Синее море, жёлтый песок.
Парус вдали – одиночек.
Ветер волну победить не смог,
И загрустил, занемог.
Жёлтая роза в её волосах.
Кладбище. Звёздная ночь.
И бригантина на всех парусах
Мчится от берега прочь.
Камень коварен. Камень жесток.
И, словно в страшных снах,
Маленький, хрупкий жёлтый цветок
Плачет в её волосах...

– Красиво и справедливо, – печально, в унисон другу вздохнул Ник. – Бывает на этом свете всякое, чего и приснится никому – на этом конкретном свете – не может. Да и на всех прочих... Никому и никогда, безвозвратно и навсегда...

Проснулся он от того, что кто-то вежливо и одновременно настойчиво тряс его за плечо.

– А? Что? – Ник сел на койке, торопливо провёл ладонью по лицу.

– Там начальство прибыло, – заговорщицки подмигнул ему сержант Агафоныч. – Вас требует в кабинет. В срочном порядке. Одевайтесь. Может, помочь с ботинками? – коротко кивнул головой в сторону младшего сержанта, стоящего рядом.

– Сам справлюсь, – пообещал Ник, а уже через две-три секунды понял, что это будет сделать очень непросто: левая рука, в сгиб локтя которой что-то вкололи, практически не сгибалась, пальцы шевелились с трудом.

А ещё в голове и в душе царил странная апатия: было на всё, абсолютно на всё, наплевать. Наплевать и забыть навсегда...

«Видимо, вкололи что-то психотропное, качественно парализующее волю», – между подозрительно-прямых извилин мозга проползла одинокая и равнодушная мысль. – «Одно только странно: почему до сих пор не появился Ануфриев? Марьяна же ему звонила...».

– Ладно, помогите уж, – отринув останки гордости, попросил Ник. – И с ботинками, и с курткой...

Перед выходом из камеры на его руках защёлкнули наручники.

– Начальство велело, – словно бы оправдываясь, сообщил Агафоныч.

Кабинет подполковника Старко разительно отличался от кабинета старшего лейтенанта Лёни: просторный, светлый, белый подвесной потолок с импортными светильниками, стены, обшитые тёмными дубовыми панелями, итальянская офисная мебель, над шикарным письменным столом – поясной портрет Президента в затейливой раме.

«Солидно и богато!», – мысленно констатировал Ник. – «Попахивает пошлым и самодовольным барством...».

Ник – по скупому знаку-кивку Агафоныча – устроился на стандартном табурете, стоящем в дальнем углу кабинета. Седоусый сержант – всё с тем же автоматом на плече – дисциплинированно замер в двух метрах. Лейтенант Лёня осторожно присел на самый край хрупкого стильного стула, положив перед собой на широкий стол скромный картонный скоросшиватель.

Подполковник же, не обращая на вошедших никакого внимания, продолжал что-то сосредоточенно и увлечённо записывать золочёным «Паркером» в толстую тетрадь, низко склонив голову и выставив на всеобщее обозрение ярко-выраженные залысины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.